ЭДУАРД ЛИМОНОВ

ФИЛОСОФИЯ ПОДВИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге люди жёсткие. Нетерпимые, быть радикальнее их — невозможно. Я сообщил этому собранию радикалов смысл, увидел у них общие черты и выделил из человечества таким образом особый и редкий тип «человека подвига». Человек подвига совершает свой подвиг не ради человечества, как принято благообразно предполагать и учить в средних школах, а просто потому, что его энергетика заставляет его делать это. Без цели, но такие люди всегда умудрялись сбивать с толку человечество. Этим они и интересны. Эдуард Лимонов.

- Эдуард Лимонов
  - Предисловие
  - Бешеный Жак
  - Гудрун Энслин и Андреас Баадер
  - Гаврило Принцип
  - Двойной подвиг: Иисус Христос и Иуда
  - Девушка с белым платком
  - Демон
  - Емельян Пугачёв
  - Игнатий Гриневицкий
  - Каракозов
  - Савонарола
  - Че Гевара
  - Янек Каляев
  - Философия подвига

Эдуард Лимонов
Философия подвига

Предисловие

В этой книге люди жёсткие. Нетерпимые, быть радикальнее их — невозможно.

Нечаев — архетип революционера, непревзойдённая никем мрачная демоническая фигура тотального революционера.

Че Гевара в сравнении с Нечаевым — слащавый тенор, в нём нет безжалостности, в Че Геваре.

Поганая тварь — Достоевский, создавший карикатуру на Нечаева в «Бесах», именно в этой своей злобной ипостаси очернителя благородного Демона Достоевский наиболее отвратителен.

Достоевский раскрывает свою подлую душонку продавшегося за монаршьи макароны, раскаявшегося фрондёра именно в «Бесах», где он умудрился испачкать желчью и неверием всё самое самоотверженное, что было в русской жизни того времени. Всё героическое.

Революция опровергла Достоевского и подтвердила Нечаева.

История идёт дальше, превращая гибельные идеи прошлого в блистательные трагические гениальные подвиги настоящего. Человечество прошло свой путь от жалкого Бога, болеющего о всех больных, к новому Богу, требующему гибели всех больных.

С человеческой точки зрения это очень плохая книга. Со сверхчеловеческой точки зрения это единственная современная книга, которая не нагоняет скуку, вызывает жуткие чувства освобождения.

Для написания этой книги я обильно пользовался цитатами и выписками из других книг.

Как видите, я это заявляю демонстративно и делаю это, поскольку биографии и детали биографий всех без исключения исторических личностей, на которых я обратил внимание, лучше исследованы другими.

Мне, да потрать я и десяток лет на исследования, никогда бы не удалось выудить из глубин истории то, что знали из первых рук люди, лично знавшие Нечаева, или, как Савинков, — Ваню Каляева, например.

Невзирая на то, что я пользовался материалами и текстами других — моего в «Философии подвига» не мало, но много. Я сообщил этому собранию радикалов смысл, увидел у них общие черты и выделил из человечества таким образом особый и редкий тип «человека подвига». Фанатик, такой человек пренебрегает своей жизнью.

Человек подвига совершает свой подвиг не ради

человечества, как принято благообразно предполагать и учить в средних школах, а просто потому, что его энергетика заставляет его делать это. Без цели, но такие люди всегда умудрялись сбивать с толку человечество. Этим они и интересны.

Я не их противник, ни в коем случае.

Я, пожалуй, один из них.

Э. Лимонов

Бешеный Жак

Его арестовали 22 августа 1793 года по приказанию Коммуны. Обыск прошёл 23-го.

27 августа его освободили под ответственность фармацевта и сапожника, но 5 сентября вновь арестовали. В этот раз — Комитет общественного спасения парижского департамента. Его декларировали подозреваемым и отправили в тюрьму Сант-Пелажи. За ним арестовали его товарищей — Леклерка, Лакомба, Варлета и распустили Клуб женщин, на который опирались «бешеные».

Его газета «Публицист Французской Республики» — публикация прекращена.

Он переведён в тюрьму Бисетр, самую населённую из тюрем той эпохи.

Из глубин тюрьмы он аплодирует репрессиям власти против церкви.

23 нивоза II года революции (12 января 1794) Жак Ру предстал перед трибуналом коррекционной полиции в Шатле. Трибунал признал себя некомпетентным и отправил его в Революционный трибунал.

Слушая своё обвинение, которое предвосхищало фатальный и скорее оскорбительный для него приговор, он ударил себя небольшим ножом, спрятанным в одежде, пять раз под сосок левой груди. Окровавленный, он был доставлен в Зал Совета, где его допросили в ожидании хирурга.

Состоялся следующий диалог, который мы имеем, поскольку он сохранился в протоколе:

— Почему Вы покушались на Вашу жизнь (Ваши дни)?

— Уже давно я пришёл к решению принести в жертву мою жизнь, но оскорбления и ужасная жестокость моих преследователей меня окончательно возбудили перейти к делу.

— Трибунал ещё не вынес своё решение по Вашему делу, они лишь отправили Вас к компетентным судьям.

— Я не имею никаких жалоб на Трибунал, он действует согласно закону, но я действую согласно моей свободе (воле).

— Вы не должны бояться появиться перед Революционным трибуналом. Марат, которого Вы считаете Вашим другом, предстал перед Трибуналом и вышел триумфатором.

— Между мною и Маратом существенная разница. Марат не имел моей энергии, и его не преследовали, как меня. Я презираю жизнь. Я войду счастливым и спокойным к друзьям свободы в будущей жизни. Я вам рекомендую моего маленького сироту

Масселина, которого я принял у себя. Я прошу, чтобы перед тем как завершить мою карьеру, на меня надели бы красный колпак и чтобы президент Трибунала удостоил бы меня поцелуя мира и братства.

После того как президент удовлетворил желание раненого, хирург его осмотрел и официально констатировал раны.

Затем Жак Ру был транспортирован в операционный зал тюрьмы Бисетр. Там он «всеми средствами» ухудшал своё здоровье, с тем чтобы избежать процесса, которому он должен был подвергнуться. Наконец 22 плювиоза (10 февраля 1794 года) он нанёс себе в левую грудь новые раны, более глубокие и более опасные, чем предшествующие. Одна из них прорезала лёгкое. Он умер в середине дня и был похоронен на кладбище в Жентильи.

«Этот трагический конец, в котором отразилось всё величие его жизни, был сравнён с жертвами античных смертей, о которых повествовал Тацит», — заключает историк Морис Домманже.

Жак Ру вместе с Жак-Клод Бернаром был избран Парижской коммуной присутствовать на казни короля 21 января 1793 года.

Казнь Людовика «Последнего» (так его называли революционеры, но оказалось — не последнего) и Жак Ру возле этой казни окружены плотным слоем легенд, сложившихся ещё во времена Великой Французской. Сегодня уже невозможно отделить, что там правда, что вымысел.

Так, действительно ли, приехав в Тампль, где содержался король, для того чтобы забрать его на казнь, сказал ли, говорил ли Жак Ру королю в ответ на его мольбу передать Коммуне его завещание такие хлёсткие и холодные слова: «Я уполномочен лишь сопроводить Вас на эшафот». Большинство историков утверждают, что да, говорил, но такой крупный историк, как Мишле, утверждает, что нет.

Однако в своём рапорте о казни Людовика, написанном для Коммуны, Жак Ру утверждал, что говорил слова, которые ему приписывали. Ещё в своём рапорте Жак Ру настаивал, что после казни присутствовавшие ассистенты смочили свои платки в крови короля.

Известный социалист Жан Жорес через столетие писал, что «Жак Ру сошёл с помоста, по которому катилась голова короля, с неким кровавым престижем».

В своей секции Гравильеров, вспоминала одна из революционных женщин, «он нам рассказывал о голове Луи Капета, он нам представлял эту голову, катящуюся на эшафоте, и это описание нас радовало».

В 80-е годы двадцатого века, живя в Париже (то есть через 200 лет после казни короля), пишущий эти строки посещал по 21-

м января Пляс де ла Кон-корд, то место, где стояла гильотина, обезглавившая Людовика. Дело в том, что я принадлежал к секции «Вижилянтов Сен-Жюста», и мы праздновали казнь короля. Стоял стол с бутылками вина, лежала на столе фаршированная овощами свиная голова, играл аккордеон, и ожидалось нападение правых. Помню, что нас охраняли жандармы и ребята-коммунисты. Мои товарищи поэт Жан Риста, люди из журнала ФКП «Revolution», Жан Фернандес-Рекатала, Мартин Нерон, ещё множество умных, смелых и вдохновенных лиц… Гляжу на них с дистанции в четверть века и умиляюсь…

В России принято считать, что самым радикальным революционером Французской Революции был Робеспьер. Нет, не был. Он был самым авторитетным, знаменитым, везде лез, говорил нравоучительным тоном. Робеспьер всеми фигурами революции повелевал, или пытался повелевать, но самым последовательным радикальным революционером был бывший священник Жак Ру. «Cure Rouge» Jacques Roux.

Не так важно, где и когда такие люди родятся, важно, кем они становятся и какие роли играют, но вот вам всё же:

Жак Ру родился 21 августа 1752 года в деревне Pransac близ Ангулема, департамент Шарант.

Жак был младшим из двенадцати детей. Учился в семинарии в Ангулеме.

Служил священником. Потом случилась Революция.

На взятие Бастилии он, доселе не занимавшийся политикой, отозвался панегириком, произнесённым в церкви Сент-Томас де Конак как о «триумфе бравых парижан над врагами общественного блага».

В апреле 1790 года крестьяне Сент-Томас де Конак (пишется de Conac, то-есть это не «коньяк») атаковали два замка в окрестностях, разграбили и сожгли. Кюре Жак Ру проповедовал этим крестьянам «опасную доктрину, что земли принадлежат равно всем», и что «не должно более подчиняться платить владельцам замков никаких сеньорских прав». Он также втихую подталкивал своих прихожан подняться против богатых, то есть проповедовал социалистические идеи. За его позицию церковные власти лишили его сана, и он вынужден был бежать из своего прихода. Где он пропадал восемь месяцев есть загадка для историков.

Но в конце 1790 года он обнаруживается в Париже, членом Клуба кордельеров, наиболее воинственного из всех клубов столицы.

В воскресенье 16 января 1791 года Жак Ру обнаруживается в

качестве священника в церкви Сент-Сюльпис; Жак Ру, явившийся в столицу принять клятву Конституции, сделал это в церкви Сент-Сюльпис и имел жуткий успех.

Он закончил так: «Я клянусь, мсье, в присутствии неба и земли, что я буду верным нации, закону и королю (всё ещё королю, заметьте!), которые неразделимы. Я хочу добавить, что готов пролить всю мою кровь до последней капли в поддержку Революции, которая изменила уже на поверхности земного шара судьбу рода человеческого, сделав людей равными между собой, как они есть в вечности перед Богом».

После занятия места среди конституционных священников Жак Ру становится викарием в церкви Сент-Николас де Шампс и поселяется в районе Гравильерс (от слова «гравюра», гравильщиков). Это картье, населённое многочисленными рабочими.

В общем, вы поняли персонажа. За плечами у него семинария, где он даже изучал курс философии, годы его священничества научили его говорить, выступая перед прихожанами, он отточил ораторское искусство. Он готов. Ему остаётся три года… ну… чуть больше, на месяц больше.

В Клубе кордельеров Жак Ру познакомился со вдовой Petit, рождённой Элизабет Юберт, рабочей по белью, которая заботилась о нём. Она вскоре стала продавать его брошюры. История не знает ничего больше об их отношениях. Личная жизнь Жака Ру остаётся скорее неясной. Возможно, разве что, сигнализировать его наклонность к музыкальному инструменту арфе, и что у него была собака, и что он адаптировал сироту 14 лет, который жил с ним.

В Клубе кордельеров Жак Ру получил некоторую известность, потому что его наградили кличкой, хвалебной в этих кругах: Маленький Марат.

Большой Марат, удивительное дело, проявил инициативу личного знакомства с Жаком Ру, принял его по-братски и доверил ему передать письма в Клуб кордельеров и в Клуб якобинцев (в это время Большой Марат скрывался у сестёр Эврар).

Некоторое время спустя, спрятавшись под именем Легрос, Марат попросил Жака Ру спрятать его. Ру держал его у себя шесть дней, готовил ему еду, служил ему сам буквально — спал на твёрдом полу и опустошал его ночной горшок, но был удовлетворён, «служа общественному благу». Ру жил тогда на rue Aumaire, на втором этаже.

Во время разговоров с Маратом Жак Ру поведал тому, что хочет уйти из священничества, жениться, обзавестись

типографией и основать журнал.

Нужно сказать, что Жак Ру не нуждался в журнализме, чтобы стать популярным. Он сделался популярным методами, которых Марат не знал и не мог употребить. Будучи священником, Ру произносил проповеди для неимущих, группировал женщин вокруг себя и умножал революционные проповеди.

С 24 мая 1792 он проповедовал не только в Сент-Николас де Шампс, где он служил, но и в Сент-Усташ, в Сент-Маргарите, в Сент-Сюльпис, в Сент-Антуан и даже в Нотр-Дам.

Эти проповеди уже содержали те идеи, которые заслужили ему место неоспоримого лидера группы «бешеных» — Enrages.

Предвосхищая Террор, его даже превышая в формулировках, в своей теории заложников Жак Ру требовал безжалостных мер против врагов революции:

«С этих пор, подозрительные граждане, назначьте цену за головы эмигрантов-заговорщиков и коронованных тиранов, которые вооружились против нашей свободы. ***Возьмите в заложники женщин, детей предателей родины***, чтобы они отвечали за события войны, чтобы, закованные в цепи, они бы были открыты огню противника или же железу убийц, которых они рекрутировали, чтобы дома этих трусливых обитателей, которые выдали наши крепости, были бы снесены и разрушены. Вспомним, что Англия спаслась, покрыв эшафоты красным от крови предателей и клятвопреступников».

Сурово, суровее не бывает. Священник вышел за границы христианства.

Но это не что иное, как политическая программа, и заметьте — за восемь месяцев до её реализации — угроза казни Людовика XVI.

Французская революция могла закончиться как пролетарская, как революция санкюлотов, но закончилась как буржуазная.

Изначально это была революция всех против того порядка жизни, который уже всем мешал. Это была революция против аристократов и королевских чиновников в первую очередь, а уж потом против короля. Король Луи Шестнадцатый имел несчастье символизировать старую жизнь.

Робеспьер, которого в России почитают как ужасного революционера, на самом деле был либералом. Реальным крайним революционером был даже не Марат — друг народа, но Жак Ру, неистовый священник, требовавший брать в заложники и женщин, и детей, и в цепях гнать их перед французской армией.

Вот что пишет Жак Ру против буржуазии, обращаясь к народу, к санкюлотам:

«На кой вам послужит отрубание головы тирана и сокрушение тирании, если вы все ваши дни поглощаемые agioteurs, монополистами? Они собирают в их прекрасных магазинах пищу и товары первой необходимости, которые они затем продадут за потребную им цену, людям, которые голодны, ремесленникам, которым необходимы в их профессиях лён, кожа, мыло, железо. Против них также необходимо восстать. И ничего не значит, что они себя называют патриотами? И ничего не значит, если они позаботились выступить за революцию, потому что они захватили национальные богатства, в огромных помещениях вчерашних монастырей они складируют ворованные товары?»

На приёме в Конвенте 3 и 12 февраля 1793 года была зачитана объединённая петиция восьми секций Парижа. В интересах «наименее зажиточного класса народа» они потребовали от Конвента «нисколько не опасаться наступить на свободу коммерции и на право собственности».

Они потребовали «хорошего закона о средствах для выживания». Максимум зерна, общие измерения для зерна, смертную казнь против спекулирующих валютой в случае рецидива. Против оппонентов максимума зерна, наблюдение над магазинами республики директоров департаментов. И запрещение чиновникам администрации вмешиваться в коммерцию средств для выживания.

Я перевожу, держа левой рукой французскую книгу, правой царапаю текст. Перевод не гладок, но вы понимаете, французская буржуазия далеко не была буржуазной. Против короля и аристократов дружно восстали (во Франции тогда было 24 миллиона населения, из них 200 тысяч аристократов), а затем стали разбираться между собой. Буржуазия сумела победить. Становится в свете их победы понятным, почему Жак Ру предпочёл смерть от собственных рук появлению перед буржуазным судом.

Гудрун Энслин и Андреас Баадер

У него в рубрике «страна, где родился» в Википедии значится «Третий рейх». Город Мюнхен. Родился 6 мая 1943 года.

Он появился в Берлине в конце июля — начале августа 1967 года, как раз вышел из тюрьмы в баварском Траунштайне.

Те дни лета 1967-го радикализировали немецких левых. Во время демонстрации против персидского шаха полицейский Карл-Хайнц Куррас застрелил студента Бенно Онезорга. Студент-теолог, похожий на Христа, взорвал воображение левых. В вечер убийства Онезорга 2 июня 1967 г. в Республиканском клубе Гудрун Энслин выкрикивала: «Они нас всех прикончат — вы что, не знаете, с какими свиньями мы имеем дело? Это же поколение Аушвица, с которым мы имеем дело — с людьми, которые устроили Аушвиц, нельзя дискутировать! У них есть оружие, а у нас — нет. Мы тоже должны вооружиться».

Появившись в группе, Баадер привлёк внимание радикальностью своих предложений. Когда кто-то подал идею зажечь дымовые шашки в колокольне Мемориальной церкви (символ Берлина), Баадер предложил символ Берлина просто-напросто взорвать.

Баадер стал появляться на собраниях в Республиканском клубе или в Свободном университете и в Техническом университете, он обычно выкрикивал с места обличения «интеллектуального трёпа» и призывы к «акциям».

Осенью 1967 года Гудрун (мать Феликса и тогда ещё жена Бернварда Веспера, сына фашистского поэта Вилли Веспера) стала появляться «с этим Баадером».

Никто не подозревал в этом «снующем туда-сюда, язвительно ухмыляющемся парне будущего вождя герильи. Поэтому и мезальянс умного докторанта (Гудрун) с никчёмным мачо тоже не принимали всерьёз.

Однако их связь затянулась.

А потом:

В ночь со 2 на 3 апреля 1968 года на верхних этажах двух франкфуртских универмагов взорвалось несколько зажигательных бомб.

Сразу после взрывов в информационное агентство ДПА позвонила женщина: «В универмаге Шнайдера пожар. Если вам интересно, могу сообщить, что это акт политического возмездия». 4 апреля в полицию поступили достоверные сведения: «Поджигателей четверо (трое мужчин и одна женщина), они остановились у фрау Ф. (полное имя) по адресу: Франкфурт, м.

Бетховенштрассе, 30, — они пользуются легковым автомобилем «фольксваген-жук» с бременскими номерами.

Последовали аресты.

Утром 6 апреля газеты вышли с сенсационными заголовками: «ПОКУШЕНИЯ В УНИВЕРМАГЕ РАСКРЫТЫ? ТРОЕ БЕРЛИНЦЕВ АРЕСТОВАНЫ!» («Берлинер Цайтунг»). «ПОДЖОГ УНИВЕРМАГА — СТУДЕНТЫ ПОД НАРКОТИКАМИ?» («Бильд») «ПРОКУРОР: ПОДЖОГ РАСКРЫТ» («Франкфутер Рундшау»).

Были опубликованы и имена/фамилии арестованных:

Андреас Баадер
Гудрун Энслин
Торвальд Проль
Хорст Зёнлайн

Улики против арестованных были впечатляющие. Кассета с плёнкой «Kodak»: на фотографиях были запечатлены проходы и лестницы универмагов. В корзине для бумаг в доме, где они жили, был обнаружен текст, написанный Пролем, вот какой:

«Мы будем поджигать универмаги, пока вы не прекратите покупать. Вам нечего терять, кроме приобретения товаров. Стремление потреблять терроризирует вас, мы терроризируем товары. Мы начинаем (неразборчиво), чтобы вы положили конец террору, который вас в потребителей…

(*на другой стороне*): «Вы начали… Мы не начинаем, мы кладём конец…»

Некоторое время до поджога универмагов Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Торвальд Проль приезжали в Коммуну № 1, где юный Баадер бросил вызов Кунцельману — этому альфа-самцу Коммуны № 1. Вызов, касающийся «направления» (от речей — к действиям). Перестать наконец трепаться, но на практике испытать «новые формы демонстрации». При стычке присутствовал Бомми Бауман — вот как он пересказывает, как он понял стычку:

«Поджог, конечно, тоже — вопрос конкуренции… Авангард делает сам себя (Че Гевара). Кто совершает самые трескучие деяния, тот и задаёт направление». «Критика оружием» должна заменить «оружие критики».

А заложил четверых некий друг хозяйки. В постели вечером дня поджога фрау Ф. подтвердила, что её гости «действительно нанесли удары», о чём «он обязан молчать». «Потому что только необычными акциями можно привлечь внимание, чтобы через террор и страх добиться наконец улучшения общественных отношений».

В Берлине полиция допросила друзей и спутников жизни франкфуртских арестантов.

Некая Эллинор Михель заявила, что Андреас Баадер — отец её дочери. Его политические воззрения всегда казались ей «наивными и детскими». В основном он жил за её счёт. Она может характеризовать Андреаса Баадера «как человека, который ни к чему не испытывает интереса и против всего протестует».

Бернвард Веспер: Когда и с какой целью Гудрун поехала (через Мюнхен) во Франкфурт, сказать не может.

Гудрун и Веспер-младший, пока она сидит, вовсю обмениваются письмами. В одном из них вот что она просит его сделать: «ИТАК, ЕСЛИ (очень важно) у ТЕБЯ достаточно свободных денег (марок 100), то пожалуйста ступай, ищи, найди мне (у Зельбаха, в C&A) лаковую куртку до середины бедер» — и сообщает данные о росте, покрое и цвете (предпочтительно тёмно-красный). Хорошо бы он принёс её на процесс.

Середина октября. Точнее, 14 октября. Четверо заняли места на скамье подсудимых. Перед франкфуртским судом присяжных: Гудрун в своей красной кожаной куртке.

Они начали (*под фотовспышками*) целоваться, дымить сигарами *a-la Че,* и вообще вести себя как актёры.

Хорст Зёнлайн на обороте своих фото (он раздавал их прессе) написал номер своего банковского счёта.

Баадер принимал позы то Бельмондо, то Марлона Брандо и произносил тексты «то ли Жене, то ли Буковски».

Гудрун была в красной куртке.

Паре Баадер — Энслин легко удалось привлечь внимание и присяжных и прессы. Он — эффектный красавец, действительно по типажу близкий к тогда гремевшему Марлону Брандо. И она на певучем швабском диалекте произнесла в микрофон своё кредо: «Это было правильно, что что-то было сделано». «Люди в нашей стране и в Америке… им надо жрать, они должны жрать, чтобы у них даже мысли не возникало такой — задуматься (…) Удивительно — мне тоже нравятся автомобили, мне тоже нравятся все эти вещи, которые можно купить в универмагах.

Но если ты обязан их покупать затем только, чтобы не прийти ненароком в сознание, то цена чересчур высока». «Я никак не пойму, почему то, что творилось веками и осознано было как ложное, почему оно должно твориться и впредь, причём так твориться, будто ничего и поделать нельзя… Я говорила судьям, я знаю, почему они говорят, ничего, мол, поделать нельзя — потому что они не хотят ничего смочь. Я же, напротив, хочу что-то совершить».

Она сидела в красной куртке на скамье рядом с Ба-адером, и они выглядели неразлучной парой заговорщиков. Фотографии, на которых они нежно склонились друг к другу, мгновенно облетели

мировые СМИ и были причислены к особо почитаемым иконам «1968».

Им дали всем по три года. Три года тюрьмы — минимальный срок, предусмотренный законом за «поджог, представляющий угрозу для людей». Но это был и самый суровый приговор из когда-либо вынесенных членам непарламентской оппозиции.

Сидели они во Франкфурте. И не так плохо. Гудрун, например, посетили Даниэль Кон-Бендит или Карл-Дитрих Вольф, председатель ССНС. Между тем во время пасхальных беспорядков в Мюнхене двое демонстрантов были убиты камнями. «Нашей альтернативой господствующему насилию является контрнасилие. На этом фоне Андреас Баадер, над которым подсмеивались ещё в прошлом году, приобрёл статус радикального гуру. Он теперь подписывался слоганом собственного сочинения: Common Criminal Power Now!

Благодаря знакомству с идеологией чёрного движения Black-Power, Баадер понял, что криминальное и политическое насилие латентно друг от друга никогда не отличались и непременно должны теперь слиться. Неизвестно, читал ли Баадер «Катехизис революционера», где та же идеология была выработана Бакуниным и Нечаевым в 60-е годы XIX века. Скорее читал.

В тюрьме он, никогда не имевший времени на чтение, считавший чтение буржуазной забавой, бешено читает. В жалобе судье из тюрьмы Баадер упоминает, что книг, которые ему необходимы, не дают, а ему их надо как минимум по 20 штук за раз. Баадера перевозят из тюрьмы в тюрьму. Из Бутцбаха в Гессен, затем в Кассель.

Освобождённые

13 июня 1969 года их освободили до условного пересмотра приговора. На фотоплёнке из архива Астрид Проль запечатлена пара Гудрун — Андреас, тесно прижавшиеся друг к другу. На радостях освобождённые дали впрыснуть себе по дозе раствора опия.

Астрид Проль вспоминает: «Когда Андреас Баадер и Гудрун Энслин вышли из тюрьмы, они знали точно, чего хотели (…) они излучали великую решимость и ясность».

В 1969 году они бесспорно обладали статусом королей протестно-революционной сцены.

Вспоминают появление Баадера и его шайки на франкфуртской книжной ярмарке в октябре. От него убегали, потому что все знали, чего ему надо: денег на кампанию против

исправительных домов. Во время этих набегов на ярмарку (…) Баадер любил вытащить из кожаной куртки пистолет (пугач, газовый, мелкокалиберный — кто его знает) и на манер Джанго крутить его на пальце. При этом, вслух или жестами — ставился вопрос, намерены ли господа жертвовать добровольно, или ему придётся предоставить слово своему маленькому другу».

Баадер и Энслин взяли на себя ведущую роль в кампании против исправительных домов.

Стиль Баадера и его ауру отличало то, что Брехт называл «Extra». В его случае это был белый «Мерседес-200». На фото 1969 года он стоит как часть реквизита к фильму. С Баадером «всегда что-то случалось», говорили люди из его свиты.

Постепенно группа, свита обрела черты настоящей family, банды или секты, центром являлась пара Энслин — Баадер с её магически-эротической аурой. На молодёжной сцене, где в большей или меньшей степени процветал промискуитет, эти двое служили образцом верности. «Они просто грезили друг другом, хотя с ними и заигрывали много и по-всякому. Но ни малейшего намёка на измену со стороны ли Гудрун Энслин, со стороны ли Андреаса Баадера — за все десять лет, что они были вместе, до нас не дошло.

Астрид Проль, например, воспринимала их как молодых идеализированных родителей, которые в то же время были старшими братом и сестрой. Семнадцатилетний Петер-Юрген Боок, с их помощью сбежавший из исправительного дома: «Как эти двое без единого звука понимали друг друга, стоило им только обменяться взглядами, как они общались жестами, заканчивая один за другого фразы… Они были одно (целое)».

Поджигатели, вместо того чтобы регулярно отмечаться во франкфуртской полиции летом и осенью 1969 года, многократно бывали в Мюнхене, Гамбурге и Берлине, то есть нарушали режим освобождения.

В случае отказа от пересмотра приговора им «светило» от 22 месяцев до 10 (минимально) тюрьмы. Баадеру дали бы больше всех. Втихаря они всё подготовили.

Бооку, который хотел их сопровождать, Гудрун сказала: «Слушай, то, что нам предстоит, оно такого масштаба, что ты себе и представить не можешь… Это как присоединиться навеки к великому делу… Ты ещё слишком мало повидал, чтобы решиться на такое…»

12 ноября стало известно негативное решение Федеральной судебной палаты. В подземном гараже стояла наготове машина для побега, доставившая их в Ханау, где их уже ожидала другая машин, на которой они пересекли границу и добрались до

Форбаха. На следующий день двинулись в Париж.

В Париже они жили в пустующей квартире Реджиса Дебре, в это время находившегося в боливийской тюрьме, на острове Сите.

Астрид Праль пригнала белый Мерседес.

Из Парижа они вскоре отправились в Италию. Между тем в Берлине у них за спиной уже к зиме 1968–1969 годов нападения с применением горючих и взрывчатых веществ на здания судов, консульства, полицейские посты, на судей и адвокатов приобрели форму эпидемии, в этом участвовало всё стремительно расширяющееся берлинское подполье. Коммуна I, Коммуна II, Виланд-Коммуне и другие берлинские тусовки всё время соревновались, постоянно шла борьба за то, кто «совершит самый трескучий подвиг» и «даст направление». Дошло до того, что во время визита Никсона весной 1969 года на маршруте следования заложили бомбу — бомба имела таймер-взрыватель. Взрыв не состоялся, но полиция провела в Коммуне I обыски. Нашли бомбы того же типа. «Терроризирование» наряду с «изъятиями» и бесконечной стимуляцией посредством Sex & Drugs & Rock-n-Roll в буквальном смысле стали нормой жизни.

Кунцельман, лидер Коммуны I, побывал в палестинском лагере в Иордании. Чтобы «революционно себя изменить», в палестинские лагеря отправилась ещё одна группа из Германии во главе с Томасом Вайсбеккером.

В Италию ехали ещё и для того, чтобы познакомиться и разжиться деньгами у эксцентричного революционного издателя и миллионера Фельтринелли. У Фельтринелли же были международные связи. В Италии гремели взрывы и стреляли на демонстрациях.

Буквально за день до приезда Баадера и Энслин в Италию, правыми была взорвана мощная бомба на оживлённой Piazza Fontana. На допрос были вызваны несколько анархистов старшего поколения. И Фельтринелли. Он тогда ушёл в подполье, скрылся.

Гудрун с Баадером и с верной Астрид рванули в Рим, потом в Сицилию. Там Баадер произнёс монолог о том Великом, том Опасном, что им предстояло. «Ты попадёшь в тюрьму на целых десять лет и выдержать не сможешь».

Они вернулись в Рим.

10 февраля Энслин позвонила во Франкфурт и узнала, что министр юстиции Гессена отклонил прошение о помиловании, она сказала: «Ну тогда мы должны продолжать». Для начала Андреас и Гудрун стали «Гансом и Гретой».

В марте состоялось нечто вроде переговоров между лидерами различных групп Кунцельманом и фон Раухом, Малером и Баадером, Энслин и Майнхоф. Баадер выступил с претензией на

ведущую роль, как поджигатель франкфуртских универмагов.

А между тем «Тупамарос Западного Берлина» (15–20 активистов) давно уже создали нелегальную организацию. После целой серии поджогов и взрывов они приобрели такой опыт, что поджоги универмагов во Франкфурте по сравнению с этим выглядели детской игрой.

Так что Баадер пока вёл борьбу за ведущую роль внутри группы своего адвоката Малера.

3-го апреля (1970-го) Баадер привлёк внимание полиции своей неправильной ездой. 4 апреля адвокат Малер позвонил в полицию и пожелал говорить со своим клиентом господином Баадером.

Этот арест произвёл на группу мобилизующее действие. RAF возникла как герилья «Освободим Баадера».

И освободили. Гудрун и Ульрика ненадолго взяли в дело одного бармена из Республиканского клуба, про которого говорили, что он умеет обращаться с оружием.

Фабула? Якобы Майнхоф работает над книгой «Молодые на обочине». Для работы Ульрике якобы понадобился арестованный Баадер, причём доставить его следовало в Институт социальных вопросов при Университете.

В июне 1970 человек двадцать мужчин из будущей RAF, среди них Малер, Баадер, Энслин и Майнхоф, двумя группами вылетели из Восточного Берлина в Ливан и достигли одного из военных лагерей в Иордании.

Через шесть недель немцам было предложено разоружиться и распрощаться.

Почему? Немцы раздражали арабов своим экзальтированным поведением? Умилением перед арабской борьбой? Вероятно.

Состоялся совершенно нечаевский по духу эпизод. Берлинская полиция разыскивала Питера Хоманна по ошибочному обвинению: будто бы он (с маской на лице) открыл огонь во время освобождения Баадера. В Иордании он отмежевался от группы и потому как дезертир и предатель должен был быть казнён.

Гудрун Энслин в бешенстве требовала от командира, забравшего Хоманна из группы: «He’s an Israeli spy. Shoot him!»

Майнхоф. Ошибка истории

На плакатах, извещавших о розыске преступников, освободивших Баадера, фигурировала в основном Ульрика Майнхоф. Вместо колеблющейся сообщницы появилась

нечеловеческих размеров террористка, организатор и вдохновитель всего дела, а вместо фактически группы Баадер — Энслин, зловещая «Банда Баадера — Майнхоф».

Впрочем первое, шокирующее заявление группы — это Майнхоф. В микрофон: «Тип в униформе — свинья, это не человек, и в этом смысле мы с ним и разобрались. Это значит, что нам не о чем с ним говорить, и это неправильно — говорить с такими людьми вообще. И конечно же можно стрелять».

Гудрун не только Гретхен Баадера и не только его Бонни (вспомним пару «Бонни энд Клайд»), это важно, и очень, но и автор таких бросаемых афоризмов:

«24 часа в сутки постигать ненависть».

Или:

«Кто знает, кому из нас суждено пережить этот год».

И это Гудрун, а не Ульрика «изобрела» Андреаса Баадера:

«Противник, абсолютный враг, враг государства; коллективное сознание, мораль униженных и оскорблённых, пролетариат метрополий — это он, Андреас. Отсюда: ненависть буржуазии, прессы, буржуазных левых концентрируется на нём… на Андраесе, через то, чем он является, мы могли себя обозначить, потому что прежним (…) он больше не был, а был новым: иным, сильным, непримиримым, решительным…»

«Революционные ячейки» внутри себя именовались «семьями», что звучало мафиозно, да таковым и являлось. W + M — вот их формула, в отличие от чисто мужских воинских братств. В структуре RAF уже просматривается современная борьба женщин против мужчин. «Тётки» Гудрун и Ульрика стояли в RAF часто выше «типов» — мужчин.

После высылки из иорданского лагеря палестинцев (вскоре зверски уничтоженного иорданской армией во время «чёрного сентября») они возвратились в Берлин.

Программный текст «Строить Красную Армию!» написали две «тётки» — Энслин и Майнхоф. Это письмо в дружественную газету «883».

«Товарищи из “883” — нет смысла пытаться объяснять истину пустым людям… незачем нам разъяснять освобождение Баадера всяким интеллектуальным трепачам, засирателям штанов, “всезнайкам”; разъяснять надо потенциально революционной части народа. Это значит тем, кто сразу способен постичь поступок, потому что сами они — заключённые».

«Не рассиживайтесь дома на обоссаной софе, подсчитывая свои гроши, как торгашеские душонки в мелкую клетку. Постройте настоящий аппарат распределения, пускай засранцы лежат мордой вниз, пожиратели красной капусты, социальные

работники… весь этот хлам».

«Развяжем классовую борьбу. Организуем пролетариат. Начнём вооружённую борьбу. ПОСТРОИМ КРАСНУЮ АРМИЮ!»

Перечислим далее основные подвиги RAF:

В Иордании они продержались шесть недель. Всего-то.

27 августа 1970 г. Баадер ограбил крупный универмаг.

22 сентября было осуществлено нападение на три банка тремя группами RAF.

В октябре 1970 года адвокат Малер попал в полицейскую ловушку. Его со свитой переловили на одной и той же квартире одного за другим. Руководство RAF перешло к Баадеру.

Вот как он выглядел в то время:

«Так и сидел он ночи напролёт, говорил беспрерывно обо всём на свете, от Адама и Евы до Иосифа Сталина. В уголках его рта стояли капли слюны. Не прерывая речи, он почти постоянно трепал свои волосы, дёргал себя справа и слева. За обесцвеченные пряди, пока у него надо лбом не вставали маленькие светлые рожки…»

От постоянного курения, огромных доз кофе и «speed» выглядел он измотанным.

Спланировали и провели около 80 взрывов и поджогов банков, магазинов, казарм, складов, армейских учреждений за год.

В 1971 году случились первые перестрелки, стоившие жизни юной RAF-овке Петре Шельм (июль) и полицейскому Хельмуту Шмидту (октябрь 1971-го).

Майское наступление RAF в 1972 году было ответом на массированные бомбардировки гражданских объектов Северного Вьетнама. За три недели два десятка бомб были подложены перед клубами для военнослужащих армии США во Франкфурте и в Гейдельберге, рядом с полицейскими участками в Аугсбурге и в Мюнхене, под автомобиль федерального судьи в Карлсруэ и в небоскрёб Шпрингера в Гамбурге. В результате были убиты четверо американских военнослужащих и ранены более тридцати гражданских лиц.

Взяв на себя ответственность за налёт в Гейдельберге 25 мая, RAF писали: «Люди в Федеративной Республике не поддерживают силы безопасности в их охоте на бомбистов… потому что они не забыли Аушвиц, Дрезден и Гамбург».

Аресты

«Народ» обратил внимание полиции на гараж во Франкфурте-

на-Майне, где хранились в канистрах материалы для производства взрывчатки.

1 июня 1972 в шесть утра к гаражу против движения подъехал баклажанного цвета «Порше». За рулём сидел Баадер. Баадер и Майнс вышли из машины. Распе остался за рулём. Завязалась перестрелка с силами правопорядка. Баадер был ранен в ногу. Троих определили в камеры крепости Штаммгайм.

Через шесть дней туда же была помещена Гудрун Энслин. Её арестовали в одном из гамбургских бутиков. Она скинула свой кожаный пиджак, из кармана которого выглядывал пистолет. Продавщица вызвала полицию.

В маляве на волю Гудрун оправдывалась: «Ужасно всё быстро вышло, а то была бы сейчас мёртвая продавщица, я и, может быть, пара быков».

15 июня в Ганновере арестовали Ульрику Майнхоф. Она была сдана друзьями. Вместе с нею арестованы ещё пять юных рекрутов.

После этого RAF в том виде, в каком она была создана в феврале 1970-го, фактически перестала существовать.

Как они сидели

К ним употребили систему содержания «Мёртвые коридоры» (Toten Trakt). Предусматривала максимальную изоляцию заключённых: соседние камеры, в том числе сверху и снизу, должны пустовать. Одиночки должны быть звуконепроницаемыми, из них убраны «лишние вещи», стены и потолок для дезориентации заключённого выкрашены в белый цвет, свет не выключается круглосуточно, форточка расположена под потолком, чтобы заключённые не могли ей воспользоваться для переговоров с другими камерами…

Вот какие установки разработали для себя арестованные:

«Ни слова со свиньями, в какие бы ризы они ни рядились, прежде всего — враги… ничего, кроме враждебности и презрения… непримиримо, непреклонно СОПРОТИВЛЯТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНИХ ПРЕДЕЛОВ».

«Чем либеральнее осуществляется свинство — ненавязчиво, раскованно, мило… короче, чем более психологически тонко, тем эффективнее, глубже, полнее унижение заключённых».

Ульрика Майнхоф, описание «Мёртвого корпуса» в тюрьме Кёльн-Оссендорф, куда её заперли в первые месяцы:

«Чувство, что твоя голова взрывается… чувство, что спинной мозг тебе вдавливают в мозг… Чувство, что стоишь, невидимый,

под потоком, что тобой управляют на расстоянии, что ты мочишься душой, как будто не можешь удержать в себе жидкость. Чувство, что камера едет».

Позже Майнхоф написала: «Политический термин для обозначения “мёртвого блока”, Кёльн, я назову определённо: это газ. Там мои фантазии про Аушвиц стали… реальностью».

Гудрун Энслин: «Разница между “мёртвым блоком” и изоляцией: Аушвиц или Бухенвальд… Как мы там, да… можно только удивляться, почему мы не разлетаемся брызгами. Больше ничего».

Они провели три голодовки. Первая состоялась в мае 1973 года.

Но самая страшная состоялась в сентябре 1975 года, самая долгая. В их заявлении об этой голодовке говорилось:

«Людей, которые отказываются прекратить борьбу, сломать невозможно — они победят или умрут, вместо того чтобы потерпеть поражение и умереть».

Между собой они постановили, что в этот раз голодовка прервана не будет:

«Это значит, кому-то из типов придётся отдать концы», — написал Баадер в одном из своих циркуляров.

Согласно приказу, отдал концы Хольгер Майнс. Майнс сдал на хранение адвокату Круассану письменное заявление:

«В том случае, если в тюрьме я перейду из состояния жизни в состояние смерти, то это убийство. Что бы там ни утверждали свиньи… Не верьте лжи убийц».

«Убийство Хольгера» послужило мощным призывом к вступлению в RAF второго поколения. Теперь уже сотни рекрутов добивались права войти в организацию.

* * *

В 1975 году после трёх лет заключения начался Штаммгаймский процесс. Баадера обвинили в 5 убийствах, 55-ти покушениях, в серии грабежей и поджогов.

С воли предпринимали попытки их освободить. Начиная с налёта на германское посольство в Стокгольме и вполть до похищения и убийства Ганса-Мартина Шлейера и взятия в заложники пассажиров лайнера компании «Люфтганза» осенью 1977 года.

Вновь выдвинулась пара Баадер — Энслин. В то же время бледнеет фигура Ульрики Майнхоф. Она впадает в самообвинения и самобичевание. 8 мая 1976 года она повесилась

(или её повесили — навсегда останется тайной) на оконной решётке.

После прекращения голодовки в феврале 1975 года в корпусе повышенной безопасности Штаммгайма было отменено разделение по половому признаку: в одном корпусе, но в условиях строжайшей изоляции. Теперь вся группа проводила вместе по нескольку часов в холле; теперь Андреас и Гудрун опять были вместе.

18 октября 1977 года Баадер и его окружение, в том числе Гудрун Энслин, были обнаружены в своих камерах мёртвыми. Ранения огнестрельные.

Издания Шпрингера (правого издателя, мультимиллионера) писали тогда, что при обыске в камерах были обнаружены три пистолета с боезапасом, пять порций взрывчатки, мини-камера, а также радио и электронные детали, из которых Ян-Карл Распе якобы собирал тюремный передатчик.

Немецкие левые эту версию категорически отвергали и отвергают.

В год их убийства (я считаю, что без сомнения это были убийства) я написал о них в «Дневнике неудачника». На странице 123 оригинального первого издания:

«Германия опять пожирает своих детей. Своих лучших. Цвет нации и её надежду. Кровь на губах Германии и пальцы её в крови. Трое убиты в тюрьме. Ребята, родные, прощайте, товарищи! Мы приспустим чёрные флаги. Мы отомстим палачам.

Может быть, ужасное, немецкое серое утро, когда они вошли и дважды застрелили и повесили. “Не убивайте, не убивайте, не убивайте безоружных их в камере!”»

Гаврило Принцип

Двадцати лет от роду он вступил в организацию «Млада Босна» («Молодая Босния»). Был способен к языкам.

Из сербской деревни Облей в Боснии. В 1907 году родители отправили Гаврила в Сараево.

«Млада Босна» основана в 1912 году. Идеологом был поэт Владимир Гачинович. Мечтали о свержении австро-венгерского гнёта. Скорее существовали националистически настроенные группы гимназистов и студентов.

28 июня 1914 года совершил убийство наследника престола Австро-Венгрии Франца-Фердинанда и его жены Софии в Сараево. Убийство это послужило поводом к началу Первой мировой войны. Приговорён к двадцати годам каторги, но умер в 1918 году в заключении от туберкулёза.

«Эрцгерцог вернулся к себе домой.
Разделся. Выпил вина.
И шёлковый сеттер у ног его
Расположился, как сфинкс.

Револьвер, которым он был убит
(Системы не вспомнить мне),
В охотничьей лавке ещё лежал
Меж спиннингом и ножом.

Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески твёрдый кулак
В коричневых волосках.
(…)

Эдуард Багрицкий, «Последняя ночь»

В республике Книнская Краина я недолго воевал добровольцем в 1993 году. Вот как раз оттуда и семья Гаврилы Принципа. Они жили в деревне Полача, потом переселились в деревню Облай (а в XVIII веке предки Принципа и вовсе пришли из Черногории). Так что я знаю эти каменные горные земли. И каменный характер тех людей.

Гаврило Принцип стрелял из браунинга. Случилось так, что

кортеж (после того как товарищ Принципа Неделько Чабринович бросил в автомобиль эрцгерцога гранату, но промахнулся) выехал прямо на Принципа. Гаврило выстрелил вначале в его жену Софию и попал ей в живот, а затем выстрелил Францу Фердинанду в шею. Автомобиль был открытый. Хотел было я нравоучительно выругать службы безопасности прошлого, но вовремя вспомнил, что Джон Кеннеди в Далласе в 1963 году тоже ехал в открытом автомобиле. Руководители государств не робкого десятка люди, к тому же ими движет желание показать себя народам, которыми они управляют.

Принцип был болен туберкулёзом, кстати, Франц Фердинанд тоже. В те годы туберкулёз считался неизлечимой болезнью.

Строка из стихотворения Принципа, написанного в тюрьме:

> *«Наши дети будут ходить по Вене, бродить по [тюремному] двору и пугать господ».*

Загадочная строка, не правда ли?

Одним из последствий Первой мировой войны стал распад Австро-Венгерской империи (через полгода после смерти Принципа).

Детали:

Гаврило Принцип попытался принять яд, но его вырвало. Толпа схватила его и стала избивать. Он получил такие сильные побои, что ему пришлось ампутировать руку.

Поскольку на момент убийства Принципу было 19 лет, его не казнили, но он получил 20 лет каторги.

В рядах организации помимо сербов были и хорваты, один из шести заговорщиков имел имя Мухамед Мехмедбашич, так что не только сербы хотели избавиться от австрияков.

Багрицкий в его строках неточен, как все поэты. Револьвер — это то, что с барабаном. Это из револьвера в русскую рулетку. Гаврило стрелял из браунинга.

Да причём так удивительно метко.

Принцип был среднего роста, голубоглазый.

Он выходил из магазина Морица Штиллера, где купил сэндвич и жевал его.

(После взрыва гранаты первого покушавшегося Неделько Чабриновича взрывом был убит шофёр следующей машины в кортеже, всего их было шесть, эрцгерцог отмёл предложение придворных прекратить поездку, поехал в больницу навестить раненных от взрыва.)

Так вот, между прочим, с жеванием сэндвича происходило покушение, повлёкшее Первую мировую войну.

Сэндвич? А чёрт его знает. Гаврило бросил его, должно быть.

Он тщательно прицелился и первым же выстрелом попал Софии в живот. Второй выстрел поразил Фердинанда в шею. Всего заговорщиков было шестеро.

Фердинанд и его жена были отвезены в резиденцию генерал-губернатора, где они умерли менее чем через час после выстрелов.

Данило Илич и ещё двое — Велько Кубрилович и Мишко Йованович — были повешены 3 февраля 1915 года.

Что было дальше? Австро-Венгрия предъявила Сербии унизительный ультиматум. Сербия согласилась со всеми условиями ультиматума. Кроме права представителей австрийского правительства участвовать в расследовании инцидента. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Дальнейшее известно.

Принцип умер от туберкулёза 28 апреля 1918 года в Терезинштадте (ныне Терезин в Чехии, впоследствии тюрьма использовалась как концентрационный лагерь в годы Второй мировой войны).

В момент фотографирования тотчас после ареста у него тонкие тёмные усики, пробритые аккуратно вертикально по центру. На нём тёмный, длинный, типа сюртука пиджак, двубортный, с тремя рядами пуговиц, сейчас бы сказали «бушлат». Лицо распухшее, нос распухший, отёчные синяки под глазами. И на нём нет рубашки, по-видимому, она была разорвана в клочья, когда его били.

Брюки — мешками, жутко пострадавшие и такие же побитые, как и хозяин брюк.

Ну что, чистая такая история подвига. Не отнять и не прибавить. Чего я не знал, садясь за текст о Гавриле Принципе, что он же книнский, где я в армии Книнской Сербской Республики был добровольцем с февраля 1993 года. О чём можно частично узнать из книги моих рассказов под названием СМРТ.

Я помещался там, когда не был на фронте, в старой австро-венгерской казарме в городке Бенковац. Это сейчас на территории Хорватии. Можно только философски вздохнуть и сказать: «Вот как прошлое соединяется с настоящим».

А книгу СМРТ я писал летом 2007-го, в ногах у меня ползал мой сын Богдан, в то время как я отдавал долг людям Книнской Сербской Республики. Хорватия ликвидировала республику в 1995 году, и это была тяжелейшая трагедия.

Вспоминаются те молодые солдаты 1993 года, они помещались на 1-м этаже на спортивных матах, и часовые охраняли наш сон на офицерском втором этаже. Помню, иногда сквозь сон слышал их тихие разговоры с девушками-солдатками.

Утром солдатки приносили «доручок» — завтрак на синем подносе, пол солдатской банки тушёнки или полбанки лосося, домашний хлеб, огромная железная кружка чая.

Так хорошо и спокойно я с детства не спал. Казарма по запаху была совсем отцовской — запах сапожной ваксы и смазанного оружия. Где вы, молодые книнские солдаты 1993 года? Многие погибли, а через 25 лет, приближающиеся к полтиннику, где они, на каких сербских полях, в горах и ложбинах, у каких рек вспоминают покинутые каменистые плато вокруг Книна и у зелёных фьордов Адриатики.

Мой вам привет, люди с кровью Гаврилы Принципа!

Двойной подвиг: Иисус Христос и Иуда

Существует мнение, покоящееся на страннейшей апокрифической книге «Евангелие от Иуды», что первый подвиг в христианской истории, подвиг Иисуса, был организован.

Небольшой заговор был составлен, и посвящены в него были лишь немногие:

1) Сам Иисус;

2) Иуда;

3) Иосиф Аримафейский;

4) жена Иосифа — Мария Магдалина.

Очень узкий, в сущности, круг лиц, обеспечивающий сохранение тайны. Основной сговор произошёл между Иисусом и его лучшим учеником Иудой. Это был сговор с целью сделать их кружок победителем в борьбе за души евреев, а Иисуса поднять до ранга Сын Божий. Иуда, умный, единственный к тому времени интеллектуал в их кружке, беззаветно любивший Иисуса, был готов испоганить своё имя на вечные времена, совершить подвиг, чтобы навсегда появился и никогда не исчезал Иисус.

В сущности, оба они совершили подвиг: Иисус — подвиг смерти на кресте. Иуда — подвиг уничтожения себя во имя Иисуса.

Не так давно было найдено Евангелие от Иуды Искариота. В ходе кампании, сопутствующей публикации Евангелия от Иуды, высказывались мнения, что это Евангелие сумеет поколебать традиционный взгляд на Иуду как на предателя, что он, напротив, был любимейшим и самым доверенным учеником Иисуса и предал Его на казнь по Его собственной воле ради грядущего спасения.

«Но предположение, будто бы Иисус поручает Иуде предать Себя… представляется слишком смелым», — пишет автор предисловия к Евангелию Иуды Искариота.

Я считаю, что заговор между Христом и Иудой налицо.

Ибо зачем рассыпаны по Евангелию откровения:

«Ты же превзойдёшь их всех, ибо человека, который носит меня в себе, ты принесёшь в жертву».

«Ты станешь тринадцатым и будешь проклят остальными поколениями».

Или вот это:

«Иисус же, услышав, рассмеялся и сказал ему:

— Перестань утруждаться, тринадцатый бес. Но рассказывай.

Я потерплю тебя».

Сказал ему Иуда:

— Я видел себя в видении, и двенадцать учеников побивали меня камнями. Они сильно преследовали меня, и я возвратился в место (…) за тобой.

Я видел (дом) — мои глаза не смогут (измерить его), и великие люди окружали его. И у него была единая крыша. И посреди дома (толпа) (…). Учитель, прими и меня с этими людьми!»

Что это, как не видение сцены в Гефсиманском саду, когда Иуда поцелуем выявляет Иисуса.

Вторая двойка в заговоре — это Иосиф из Аримафеи, богатый человек, член Синедриона, это он идет к Пилату и просит позволения Пилата снять Иисуса с креста, и это ему принадлежит склеп (гробница, куда помещают тело Иисуса). И это жена Иисуса (ортодоксальные евреи превратили её в блудницу, на самом деле она была женой Иосифа) — Мария из Магдалы обнаруживает рано утром, что камень отвален, стражники спят, а тело Иисуса исчезло.

Все вчетвером они создают Бога и Религию.

Я намеренно оставляю в данном случае вне моего повествования рассуждения о том, был ли обман. Или было честнейшее и мистическое вознесение Иисуса к Богу Отцу с помощью ангелов.

Меня интересует сделанное человеками.

Роли Иосифа Аримафейского и Марии Магдалины в христианстве велики. Но подвиг Иисуса и Иуды огромен. И большой ещё вопрос: чей больше — Иисуса или Иуды? Растереть себя во имя торжества Богочеловека — Великий Подвиг.

Атрибутика распятия Христа широко известна. Тащил тяжёлый крест по via Dolorosa. Губка с уксусом на копье, кровь и сукровица из межреберья. Бедная вонючая смерть и легионеры, посланные стеречь, играют у подножия креста в кости. Выигрывая или проигрывая скудную одежду осуждённого.

Самое знаменитое убийство в мире. О крестах и распятии на крестах и о видах крестов нам известно многое. Есть, кончено же, большой элемент клинически нездорового в смерти Иисуса на кресте. Намеренно нездорового, которое подавило бы (и давило-таки сильно) молодую религию. Потому что распятие — самая бедная смерть, которую можно было поиметь в те века. Смерть рабов, повстанцев, дезертиров и военнопленных, воров и бродяг. А так как первыми христианами стали именно рабы и низшие слои населения, то она должна была их отталкивать, напоминая об их участи. То есть их смерть, грозно и банально жившая рядом

с ними в действительности. Однако такая смерть и сближала.

Вот что пишет археолог Шимон Гибсон о распятии.

«Распятие было крайне жестоким видом смертной казни. Как уже говорилось, ему предшествовали бичевание или порка, но не до потери сознания. Человека распинали обнажённым, усиливая тем самым унижение и его самого, и его семьи. Вероятно, какой-то единообразной формы распятия не существовало. Иосиф сообщает, что людей распинали в различных положениях и в зависимости от имевшихся в распоряжении разного типа деревянных стоек и перекладин. Некоторые из них были типично крестообразными (crux immissa), другие могли скрепляться в Т-образной форме (crux commissa). Если вертикальная стойка (stipex) уже была установлена на месте казни, все, что оставалось сделать солдатам, — это взять жертву, чьи руки уже привязаны к перекладине (patibulum), и прикрепить её к вертикальной стойке. Скудость деревьев вокруг Иерусалима, вероятно, обусловливала частое повторное использование вертикальных столбов и перекладин. Непригодные виды деревьев, например узловатая олива, от случая к случаю все же использовались. Ноги жертвы прикреплялись к столбу железными гвоздями и верёвочными петлями. В некоторых случаях жертву привязывали и прибивали к кресту перед тем, как ставили в вертикальную позицию. Из-за того что у жертвы не было возможности на что-либо опереться, смерть была делом нескольких часов и сопровождалась мышечными спазмами и удушьем. Для продления агонии и оттягивания момента наступления смерти римляне помещали жертву на своего рода деревянное сиденье (sedile), или же в центре креста прикреплялся небольшой выступ, на который распятый мог опереться, но при этом облегчения не наступало. Иногда также предоставлялась опора для ног (suppedaneum). Прибивание к кресту причиняло боль и ускоряло смерть, как и намеренное переламывание ног».

У псевдо-Манефона распятые преступники описываются следующим образом: «наказуемые раздиранием конечностей видят в столбе свою судьбу: их привязывают (и) прибивают к нему в самых ужасных муках — злосчастную пищу для хищных птиц и мрачные объедки для собак».

«Евангелия не описывают, как Иисус был прикреплён к кресту, какого вида был крест, как помещались на нём руки и ноги, использовались ли наряду с гвоздями верёвки и так далее», — пишет Шимон Гибсон. Ни в одном из Евангелий не упоминаются гвозди. Однако у Иоанна есть-таки упоминание оставленных гвоздями отметин на руках Иисуса, а в неканоническом Евангелии от Петра мы читаем: «и тогда

вытащили гвозди из рук Господа и положили его на землю». Евангелия согласны в том, что перед распятием Иисусу в качестве акта милосердия, может быть, для того чтобы заглушить предстоящие муки, была предложена смесь вина и мирры, но он отказался. Чтобы убедиться, что Иисус мёртв, ему вонзили в межреберье копьё.

Согласно Евангелиям, к кресту с распятым собрался народ Иерусалима. Доподлинно известно, что там находились мать Иисуса Мария, Мария Магдалина и Саломея. У евангелиста Иоанна упоминается ещё жена Клеопа, они стояли близко к кресту. Иисуса торопились снять с креста, чтобы его можно было похоронить (не засыпать землёй, еврейская традиция предполагала помещение тела в склеп) его до субботы. Евангелие от Петра сообщает, что Иосиф Аримафейский и Ирод Антипа договариваются с Пилатом отдать им тело Иисуса ещё до начала распятия.

Тут мы видим, как начинает действовать третий участник заговора: Иосиф из Аримафеи.

В Евангелии от Марка читаем:

«И как уже настал вечер (потому что была пятница, то есть день перед субботой), пришёл Иосиф из Аримафеи, знаменитый член Совета, который и сам ожидал Царства Божия, осмелился войти к Пилату и попросил тела Иисусова. Пилат удивился, что он уже умер, и призвал сотника, спросил его: давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его в гроб, который был высечен в скале, привалил камень к двери гроба».

Заметим этот камень, который в одиночку (так, по крайней мере, ясно из текста Евангелия, приведённого выше) мог привалить Иосиф Аримафейский.

В Евангелии от Петра Пилат даже именуется «другом» Иосифа. Нет сведений о том, что Иосиф пытался помешать распятию Иисуса. Есть сведения только, что накануне вечером Иосиф имел встречу с первосвященником Каиафой.

В Евангелии от Луки упоминается мельком, что Иосиф «не участвовал в совете и в деле их».

Иосиф предоставил гробницу для захоронения Иисуса. Свою. Абсолютно новую. Вероятно, место было специально подготовлено для принятия тела Иисуса.

Чем аргументировал Иосиф Аримафейский Пилату свою просьбу выдать ему тело Иисуса? Вероятнее всего, тем, что распятому должно оказывать уважение, что исключительно важно по религиозным соображениям похоронить тело Иисуса до захода солнца и начала субботы, когда похороны запрещались.

Во Второзаконии ведь сказано:

«Если в ком найдётся преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлён, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погреби его в тот же день». Погреби, то есть доставь в склеп.

Объяснения в виде того, что Иосиф хотел сберечь достоинство человека с клеймом преступника или убежден, что Иисус неумышленно создал угрозу правящему истеблишменту, должны быть отброшены как сугубо сладкие и нереальные. В атмосфере того времени, когда отнимание жизни у человека не было чем-то исключительным, вряд ли таковые моральные соображения тревожили современников Иисуса, для непосвященных он в конце концов был малопонятный галилеянин, предводитель шайки молодых нищих, разбежавшихся при его аресте.

Вопрос сам ли, один ли Иосиф из Аримафеи занимался обматыванием тела Иисуса и его транспортировкой, некоторое время занимал меня, я пытался найти на него ответ, пока однажды не понял, что это несущественно.

Интересно, что после погребения тела Иисуса в склеп Иосифа Иосиф полностью исчезает из евангельских рассказов. Был ли он наказан за исчезновение тела? Было ли произведено следствие по делу об исчезновении тела?

Якобы Иисус — чужестранец (а Галилею в Иерусалиме не считали землёй евреев), был погребен в высеченной для тела Иосифа из Аримафеи гробницы, поскольку это было ЧП, не было времени, чтобы вырыть траншею общей могилы для преступников до наступления субботы. Замучили Иосифа римские следователи?

«Мы никогда не узнаем всей правды».

Ан нет, простите. Иосифу Аримафейскому всё же помогал человек по имени Никодим, который принес ему «состав из смирны и алоя, литр около ста». В Евангелии от Иоанна сказано, что «они» (вероятно, Иосиф Аримафейский и Никодим) «обвили тело пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи». Евангелия свидетельствуют, что у Иисуса были отдельный саван для тела и другой кусок материи для обёртывания головы.

Припоминаю по ходу текста всякие детали. Иуда бросил в Иудейском храме свои 30 сребренников, на которые было куплено знаменитое «поле горшечника». По некоторым преданиям, именно на этом поле Иуда повесился.

В Евангелии от Иоанна сказано:

«В первый же день недели Мария Магдалина приходит к гробу рано, когда было ещё темно, и видит, что камень отвален от гроба. И так, бежит и приходит к Симону-Петру и другому

ученику, которого любил Иисус, и говорит: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Пётр и другой ученик, и пошли ко гробу.

Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришёл ко гробу первый. И наклонившись, увидел лежащие пелены и плат, который был на главе его, не с пеленами лежащий, но особо свитый в другом месте. Тогда вошёл и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал».

В настоящее время всё большее количество исследователей склоняется ко мнению, что автором Евангелия от Иоанна на самом деле была Мария Магдалина.

Отметим для себя, что Мария Магдалина первая, *одна* пришла к гробнице. Что побежала к Симону-Петру и к «другому ученику», которого она не называет, но который якобы первым вошёл в гробницу.

Мария Магдалина между тем была активным членом группы Иисуса, и что же она не назвала имя ученика, к которому она ещё и прибежала в то утро сама?

Ученик не назван намеренно.

Итог. Заговор Иисуса/Иуды:

Иисус распят, исчез.

Иосиф Аримафейский — исчез.

Иуда — повесился.

Мария Магдалина путешествует в Рим к Цезарю (помните историю о пасхальных яйцах, привезённых в дар Цезарю?).

Девушка с белым платком

Софья Перовская — дочь военного губернатора Санкт-Петербурга Льва Перовского, тут хочется продемонстрировать тавтологию — «была дочерью военного губернатора Санкт-Петербурга Льва Перовского». Взбалмошная, и тем современная нам, она прожила короткую жизнь, всего 27 лет, но если о ней не поют в народных песнях, то зря.

Уже в возрасте 21 года она была арестована по делу о рабочих кружках (она содержала для рабочих конспиративную квартиру) и провела где-то полгода в Петропавловской крепости. В 1877 (1878?) году Софью Львовну арестовали ещё раз. На процессе «193-х» её сослали в Олонецкую губернию, но по дороге она сбежала от жандармов. Перешла на нелегальное положение.

В 17 лет ушла из дому, приобрела профессии учительницы и фельдшерицы, ходила в народ. Крестьяне ей не понравились, стала учить рабочих политике.

Лев Толстой назвал Перовскую «идейной Жанной д'Арк». На фото Софья похожа на молодую Круп-скую и немного на Шарля Бодлера.

Приговор выносил прокурор Николай Муравьёв — товарищ детских игр Софьи в Пскове.

«Слово "бабник" было тогда для неё самым страшным ругательством».

Из письма матери:

«Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько на горюю, совершенно спокойно встречаю её, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю всё, предстоящее мне».

Лев Тихомиров: «Самолюбивая, властная, с резко выраженной женской натурой, Софья Львовна всей душой полюбила Желябова и даже стала его рабой и находилась в полном порабощении».

Андрей Желябов был красавец, вместе их и повесили. Гриневицкий погиб в день цареубийства, Геся Гельфман беременная, согласно закону Российской Империи казнь отложили. Она, впрочем, умерла в тюрьме после неудачных родов.

В советских комментариях к подвигам революционеров были хвалебные ноты. В наше время, когда власть и в том числе

преимущественное право оценки принадлежит буржуазии, подвиги революционеров отрицаются, а если не отрицаются, то комментируются «он не знал», «она не понимала».

На самом деле подвиг возвышается среди в противном случае болотистой жизни тем, что это исключительный случай самоотрицающего поведения во имя самого подвига.

Царь убит, Софья Перовская спокойна, ибо цель достигнута. Она ищет глазами своего гражданского мужа и любовника Андрея Желябова. Несколько раз даже улыбается ему. И это на эшафоте. Ведь цель достигнута. Теперь можно послать и несколько улыбок уходящей жизни.

«Да, смерть! Явная, шикарная, разыскиваемая, в противовес низенькой истоптанной жизни, вот в чем основа подвига. Демонстративное отрицание жизни, вызывающее благоговейное почтение».

Софья Львовна, конечно же, ангел смерти. Спокойный и величественный.

Известно, что, перейдя на другую сторону Екатерининского канала, она подала знак друзьям-заговорщикам: «Едет!» — махнула белым платком. И Рысаков бросил бомбу под колёса царской кареты.

Присутствовавшие на казни пятерых народовольцев рассказывали, что Софья Перовская за какой-то момент до того, как была повешена, сумела махнуть с эшафота белым платком.

Как? Руки, что, у них не были связаны?

Утверждают, что махнула. Если так — она понимала толк в символических деталях, эта необыкновенная Софья.

Петербуржцы верят также, что 1 марта каждого года на Екатерининском канале можно увидеть призрак женщины, машущей белым платком.

Вероятно, городская легенда, но, может быть, и правда.

В подвиге Царь на самом деле — средство достижения бессмертия.

Ещё вот какая мысль. Другая девочка из той же среды — Лу Саломе, тоже дочь генерала, семья жила в здании Генерального штаба на Дворцовой, в 1882 году, через год после убийства Александра II, Луиза Саломе знакомится в Риме с профессором Ницше.

Демон

Вот кусок из справки, составленной для III Отделения знакомым Нечаева:

Пуцыкович пишет, что у Нечаева «на столе лежало по нескольку раскрытых и заложенных книг», «много времени он жертвовал изучению разных ремёсел: портняжного, сапожного, переплётного и столярного…»

А вот о его характере:

«Как товарищ он был, с одной стороны, хороший товарищ: честный, правдивый, охотно делящийся всем материальным с другими, но, с другой стороны, был несносный, много спрашивающий и ничего о себе не говорящий, всё толкующий в другую сторону, чересчур жестокий в обращении с другими, пренебрегающий приличиями, способный иногда на цинические выходки. Но что всего более было в нем отталкивающего, это его крайний деспотизм относительно образа мыслей. Он мог мириться с тем, что его знакомые имеют понятия, убеждения не такие, как он смотрит на вещи, и действуют не так, как он смотрит и действует. Но он не пренебрегал этими людьми, нет, он, напротив, с непонятною настойчивостью преследовал их, навязывая им своё. Нередко при этом приходилось страдать его личности, но он, кажется, обращал мало на это внимания. И вообще личностью своею он, повидимому, нисколько не дорожил, с нуждою очень легко мирился, никогда не заявлял неудовольствия на своё положение и часто даже говорил: “Мы и так заедаем чужой хлеб”. А когда ему возражали против этого, он обыкновенно ставил вопрос такой: “без нашего ученья те, которых не учим, будут жить так же, как и теперь живут, а мы без них как станем жить?” А в спорах — он засыпал противника фактами, впрочем, часто и неправдоподобными. Да и вообще спорить с ним было трудно: он был хороший диалектик. Эта-то черта и помогала ему много говорить, но ни в чём не высказываться, ставить положения, но не делать выводов, водить других вокруг пропасти, но не показывая её им. Такому своему искусству он и обязан был тем, что от него не все сторонились. Скрытность его простиралась до того, что едва ли кто из самых близких его знакомых мог сказать, откуда он родом, где учился, где был прежде и как попал на то место, которое занимал. Но наоборот: вся жизнь, вся родословная его знакомых были ему известны, — этим, отчасти, он тоже держал около себя».

А вот Нечаев пишет в одном из его писем:

«Время фразы кончилось — наступает время дела; нечего

ждать почина авторитетных умников; на них надежда плоха. Скоро — кризис в России, гораздо сильнее того, что был при объявлении воли обманутому царём народу; или опять наши умники, красноречиво глаголющие и пишущие, остановятся на словах и не бросятся возглавить народные толпы; или опять мужицкая кровь польётся даром и безобразные, неорганизованные, многочисленные массы будут усмирены картечью?»

А вот уже из «Катехизиса революционера»:

§ 25. «…сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

§ 14. «С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все высшия и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократский, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец».

§ 15. «Всё это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осуждённых на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осуждённых по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих».

§ 16. «… должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и… полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела…»

§ 1. «Революционер — человек обречённый. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нём поглощено единственным, исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией».

§ 2. «Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем

образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нём, то для того только, чтоб его вернее разрушить».

§ 6. «… Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нём единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение».

§ 7. «Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение».

Нечаев послужил Достоевскому прототипом Петра Верховенского. Достоевский, сочинивший «Бесов», — тварь ренегатская. Нечаев — великий человек.

Совсем не так давно, где-то год назад, я отметил сходство фотографии Нечаева с фото Артюра Рембо. Сходства внешние обычно указывают и на внутреннее сходство сознания, сходство душ — назовём это так. Наличие неистовой поэзии в Нечаеве не вызывает сомнения.

Перечитайте «Катехизис революционера», пусть даже он и создан совместно с Бакуниным. Перечитайте. Рекомендую. Полностью. Я вырвал лишь бросившиеся мне в глаза параграфы.

Нечаев, вероятно, примкнул к революционному движению в 1868 году, когда ему был 21 год. Это случилось в Санкт-Петербурге, где Нечаев поступил вольнослушателем в Петербургский университет, в то же время преподавал Закон Божий в Сергиев-ском училище. Родом он из Иваново Владимирской области. В год его рождения, в 1847-м, это была деревня, сейчас — город, славный революционными традициями. Лет десять назад я побывал в этом городе, осмотрел памятники, выступил в паре библиотек вместе с писателем Прилепиным. Судя по памятникам, в Иваново был располагающий к антиправительственному образу мыслей революционный климат.

В Питере Нечаев, кипящий уже от невесёлого жизненного опыта, доставшегося ему (отец — бывший крепостной, ставший ремесленником), нашёл себе среду. Общительный, деспотичный, энергичный, он в 1868–1869 году становится одним из вождей студенческого движения. Умело создаёт, как сейчас сказали бы, сетевую горизонтальную организацию, посещая и курируя студенческие кружки.

В 1869 едет первый раз в Швейцарию, где знакомится с

Бакуниным и Огарёвым. Вместе с Бакуниным создаёт «Катехизис революционера». Беспощадный террор, подчинение средств цели, «Катехизис» на самом деле — великое радикальное произведение. Выдавал себя за представителя Русского революционного комитета. Формально такового не существовало, однако Нечаев имел право: фактически он был самым-самым в среде петербургских революционеров.

Деятельность Нечаева короткая, по-мальчишески злая, всего-то меньше двух лет. Но он успел натворить делов. Пока теоретики народничества и зарождающегося марксизма теоретизировали, Нечаев, вернувшись в Россию, бросился создавать организацию «Общество народной расправы».

Он вернулся в Россию в сентябре 1869 года, и, основав «Общество народной расправы», бросился устраивать его отделения в Петербурге, Москве и других городах.

Вероятно, он обладал мощным авторитетом и влиянием. Люди ему подчинялись.

Когда студент Иван Иванов обнаружил неповиновение воле Нечаева, Нечаев решил устранить его. 21 ноября 1869 года Иванов был убит в гроте Петровской академии (в Москве, по-моему, существует на территории Сельхозакадемии до сих пор).

Нечаев успел уехать за границу, но его товарищей, участвовавших в убийстве и в «Обществе народной расправы», всего 87 человек, судили не только за убийство, но и за образование революционного общества.

В 1872 году правительство Швейцарии выдало Нечаева России как уголовного преступника.

В 1873 году дело было рассмотрено Московским окружным судом с участием присяжных. Приговор к каторжным работам в рудниках на 20 лет.

Однако Нечаев не был сослан в рудники, а посажен в Петропавловскую крепость. «Навсегда» — по личному распоряжению Александра II, Царя-освободителя.

Нечаев умер в тюрьме, в Алексеевском равелине от водянки, осложнённой цингой, в 1882 году. 21 ноября (3 декабря).

Нечаев оказался прав — народ восстал в 1905 году, через 23 года после его смерти. Через 35 лет состоялись ультимативные русские революции: Февральская и Октябрьская.

Об убитом Иванове И. И.

Характеристика П. Г. Успенского:

«Иванов был человеком довольно ограниченного ума,

сварливый, постоянно спорящий со всеми потому только, что высказанное мнение принадлежало не ему, а кому-нибудь другому. В Академии про него говорили, что кто бы что ни предлагал, Иванов всегда представлял оппозицию.

…В частной жизни он был такой же: по целым дням злился, уходил к себе, никому не показывался, ни с кем не говорил и т. д. Вобщем, он имел тяжёлый и угрюмый характер. Постоянно Иванов спорил и не соглашался, иной раз на вещи самые простые, которые не были предложены другими, были бы предложены им самим… Нечаев стал раскаиваться и часто бранил себя за то, что ввёл такого человека. Ему тем более было неприятно, что Иванов постоянно восставал против его (Нечаева) предложений, и действительно, со стороны Иванова видно было не столько противоречие с мыслями и предложениями Нечаева, сколько собственно с его личностью».

Я побывал в равелинах Петропавловской крепости, в том числе и в Алексеевском. Даже в качестве музея — мрачное место. Камеры по нынешним стандартам — просторные, но дьявол им рад. Свет поступает скупой, рассеянный и ядовитый из щелей у самого потолка. В подслеповатом аду этом, должно быть, было страшно тоскливо. Даже если в раскалённом черепе сверхчеловека бушуют будущие мировые революции.

В сущности, тесная простая нора лучше подходит для заключения в ней долгие годы. В норе даже есть некий загробный уют, она ведь немного больше гроба. А Нечаев, проснувшись, видел жёлтое ядовитое пространство и, видимо, ужасался, но мужественно терпел.

Дополнительные сведения о Нечаеве:

Сын крепостного, родился он 20 сентября 1847 года. Самостоятельно освоил курс гимназии. Был вольнослушателем Петербургского университета. В то же время работал учителем Закона Божьего в Сергиевском училище.

Модель. Прототип. Эталон всех будущих героев революционного движения в России. Никем не превзойдённый в красочности и свирепости.

Сакральная жертва в фундамент русской революции.

1-я поездка Нечаева за границу. Март-июль 1869 года

28 января 1869 года на Фурштатской улице была проведена многочисленная сходка.

Путём сбора подписей тех, кто хотел выйти на демонстрацию протеста, Нечаев хотел встряхнуть своих сторонников и

расширить ряды радикалов. Присутствовали около 70 человек (Ралли называл цифру в 200, что представляется малоправдоподобным). Нечаев, вспоминает Засулич, «взял слово и заявил, что уже довольно фраз, что всё переговорили, а тем, кто стоит за протест, кто не трусит за свою шкуру, пора отделиться от остальных, пусть потом они напишут свои фамилии на листе бумаги, который уже оказался приготовленным на столе».

Гольденберг же пишет, что Нечаев «явился с бумагой и прочитал что-то вроде того, что, мол, мы обязываемся собраться такого-то числа на площади перед Зимним дворцом для демонстрации».

По словам Засулич, «группа инициаторов подписалась первая, а за нами бросились подписывать другие». Успех, с точки зрения Нечаева, был немалый. «По окончании сходки Нечаев с собравшимися членами кружка восхищался необыкновенной удачей подписки».

Всего набралось 59 подписей. Первыми подписались Никифоров и Нечаев. В числе подписавших, подписи Е. Аметистова, Ралли, Катина-Ярцева, Бирка, Енишерлова, Лихутиных, Ижицкого. Выступление радикалов после сходки на Фурштатской стало неизбежным.

Но вмешалась полиция. Нечаев скрылся из Петербурга. Арестован уже 29 января и допрошен. «Он действительно 28 января был у студента Любимова, где было до 12 человек, ему не известных, они рассуждали о кассе для бедных студентов. На сходку он никого не приглашал, и были ли в квартире у Любимова ещё какие лица — не знает, о сходке он узнал в Университете от незнакомого ему студента».

Нечаев не сразу отправился за границу, он ещё успел побывать в Москве и в Одессе.

Уже складывалась легенда о Нечаеве. Согласно этой легенде, он был арестован и заключён в Петропавловскую крепость.

Доподлинно известно, что Нечаев уехал за границу после 3 марта. Там он отправился в Женеву — центр русской революционной эмиграции, на встречу с династией «Колокола».

Нечаев заблаговременно предупредил о своём приезде Бакунина, прислав ему «Программу революционных действий». Бакунин — Нечаеву: «Как бы Вы не отвёртывались и не виляли, Вы поневоле высказали мне следующее: общество ваше по своей численности было ещё весьма незначительно, по материальным средствам ещё менее. Практического ума, знания и умения в нём ещё мало. Но комитет, вами составленный, без сомнения, из людей, подобных вам, — продолжал Бакунин, — и между ними Вы — один из самых лучших, из самых крепких… кроме вашего

кружка я не предполагал, и не предполагаю возможность существования в России другого столь же серьёзного кружка».

В июле 1869 года Нечаев уехал обратно в Россию.

2-я поездка Нечаева за границу

21 ноября 1869 года «студент» Иванов был убит Нечаевым, Николаевым, Успенским, Прыжовым и Кузнецовым в гроте парка Петровско-Разумовской академии, куда его заманили под предлогом помочь вырыть якобы зарытую там подпольную типографию.

Нечаев легально перешёл границу с Восточной Пруссией примерно 20 декабря 1869 года.

Были арестованы 310 человек.

Нечаев был арестован в августе 1872 года в Швейцарии и выдан русскому правительству как уголовный преступник. В 1873 году суд приговорил его к 20 годам каторги, однако по распоряжению Александра II Нечаев был навсегда заточён в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Скончался там же в 1882 году.

Взгляды Нечаева

Декабристы, по Нечаеву, были «людьми дела», «их отрицание было отрицанием на деле». Но и они, с его точки зрения, не понимали «стремлений народных». Лишь немногие из них предлагали «разбивать кабаки, позволить грабёж и, взяв хоругви из церквей, идти прямо на дворец для расправы с его обитателями», чтобы «перерезать всю семью царя Николая со всеми домочадцами».

Главным пунктом «практических действий» было «истребление царя со всеми чадами и домочадцами, со всей так называемой ектинией, для искоренения формы государя вообще».

(Если верить воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, это место нечаевского листка вызвало особый восторг у Ленина: «Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывало в церкви и все знали, что на великий, на большой ектимий вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом

Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»

Тут, как мы видим, Нечаев чуть ли не дословно повторяет красного кюре Жака Ру, за восемьдесят лет до этого лицезревшего голову Людовика XVI — катящуюся по эшафоту.

«Размышления над нравственностью и честностью той или другой меры, необходимой для истинного дела, именно и мешали, и останавливали всякое реальное начинание». Это тоже Нечаев.

С «ишутинского дела началась новая эра революционного понимания», «мощные образы ишутинцев крепко запечатлелись в головах юношества и делались образцами».

Выстрел же Каракозова объявлялся Нечаевым «начинанием нашего святого дела».

Емельян Пугачёв

10 января 1775 года в Москве выдался днём ветреным, добавляя к январскому холоду. На Болотном острове, на площади, оцепленный войсками, стоял эшафот. В санях привезли Пугачёва и Перфильева, тоже приговорённого к четвертованию. Современники сообщают: «Незаметен был страх на лице Пугачёва. С большим присутствием духа сидел он на своей скамейке».

Пугачёв взошёл на эшафот, перекрестился и, кланяясь на все стороны, стал прощаться с народом: «…прости, народ православный». Палачи набросились на Пугачёва, сорвали тулуп, стали рвать кафтан. Пугачёв упал навзничь, и *«вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе»* (А. С. Пушкин) — не желая создавать Пугачёву ореол мученика, Екатерина II отдала приказ не четвертовать Пугачёва, но отсечь ему голову. «Превеликим гулом» и «оханьем» ответил народ на смерть вождя.

Вместе с Пугачёвым казнили Перфильева, повесили Шигаева, Подурова и Торнова. Предатели Чумаков, Творогов, Федульев и другие получили «высочайшее помилование» и были высланы на жительство в Лифляндскую губернию.

В старую крепость Кексгольма сослали семью Пугачёва: Софью, Трофима, Аграфену, Кристину и вторую жену Устинью Кузнецову. Оттуда они уже не вышли.

На народ обрушились страшные репрессии. Тысячи людей погибли в тюрьмах, под кнутом, тысячи убиты карательными выстрелами, подвергнуты тяжёлым наказаниям, сосланы. Волжское казачество ликвидировали и перевели на Кавказ, разгромили Запорожскую Сечь. Реку Яик переименовали в Урал, Яицкое казачество — в Уральское, станицу Зимовейскую — в Потёмкинскую.

Позади были менее двух лет войны «черни» против белой кости. Начавшись 17 сентября 1772 года на хуторе Толкачёвых, восстание казаков (сейчас бы их назвали контрактниками) превратилось в народную войну и после блистательных побед потерпело поражение. Советские историографы называли пугачевский бунт крестьянской войной, но это неверно. Верно, как я выше всё поименовал: начавшись как восстание контрактников, она превратилась в народную войну низших классов против высших классов.

Когда я обитал в тюрьме Лефортово с апреля 2001-го по июль 2002-го, там была великолепная старая библиотека, а в ней такие книги, которых сейчас днём с огнём не сыщешь. Помню, что там были дневники (или воспоминания) Феликса Эдмундовича

Дзержинского, издание 1937 года. Из этой книги я понял, почему большевики были такие, как сейчас говорят — «безбашенные», — так они ведь через такое прошли, что ничего уже не страшились. Дзержинский вспоминает, как сидел в Вильнюсской, если не ошибаюсь, крепости, где ночью выкликали людей на смертную казнь, повешение либо расстрелы. Заранее не объявляли, просто заходили в камеру и выкликали. Люди по-простецки жали друг другу руки, обнимались и шли на смерть во двор. Только к утру всё это стихало, и можно было поспать. Так вот, я там в каталоге нашёл одну книгу, цитирующую обильно все допросы Емельяна Ивановича. Заказываю, а библиотекарь: «Давно нет такой, мы её списали». Я огорчился было, а сокамерник, во всех других случаях препротивнейший человек, мне и говорит: «Ты через неделю, когда библиотекарь сменится, у другого библиотекаря закажи, может, и принесёт». Так, собственно, и оказалась. Я из той книги навыписывал тьму-тьмущую интересного.

В памяти кое-что удержалось. Общая канва пугачёвской истории такова. В 17 лет молодым казаком отправился Емельян на Семилетнюю войну. В той войне против прусского императора Фридриха по прозвищу Великий (в Германии его зовут Старый Фриц) участвовали и русские, и французы, и австрийцы. На стороне Пруссии выступила Великобритания.

Черчилль назвал её как-то Первой мировой. Велась она не только на европейском континенте, но и в Северной Америке, в Индии, на Филиппинах. В Семилетней войне (1756–1763) участвовали такие люди, как маркиз де Сад и вот наш казак-контрактник Емельян Пугачёв. Среди множества страниц, написанных мною, я выразил со священным трепетом возможность, что эти двое встречались на Семилетней.

Как бы там ни было, молодой казак отправился в Пруссию, где он оказался в войсках под командованием графа З. Г. Чернышёва.

Впоследствии Пугачёв, став грозным вождём черни, употреблял фамилии известной ему знати, под чьим начальством он служил. Так, одного из своих командиров Зарубина-Чику он окрестил графом Чернышёвым. А на вопрос одного из первых своих сторонников казака Пьянова: «Как же ты спасся, государь?» Пугачёв ответил, что его «спасла гвардия, взяв под караул», а капитан Маслов отпустил.

Тут сейчас прозвучит личная нота. Под начальством этого Маслова Пугачёв служил. Впоследствии этот Маслов или его сын станет владельцем слободы Масловка в Воронежской губернии, а затем генерал Маслов продаст её моему прадеду Звегинцову.

Это я не отказал себе в удовольствии прикоснуться к

Емельяну Ивановичу через разделяющие нас столетия.

В Семилетней войне за «отличную проворность» Пугачёв стал ординарцем у некоего полковника И. Ф. Денисова. За утерянную в бою лошадь полковника (вспомним тут, кстати, лошадь Казбича из «Героя нашего времени» и кобылу Полковника из стихотворения Редьярда Киплинга) Пугачёв был бит «нещадно плетью». Советские историки склонны преувеличивать роль этого битья «нещадно», я уверен, что в контексте того времени никакого особенного впечатления на психику Пугачёва это «нещадное» битьё не произвело.

Потом Пугачёв воюет в Польше (нынешней Белоруссии). Когда в 1768 году началась война с Турцией, Пугачёв воюет и там под Бендерами. (Я окажусь в Бендерах и под Бендерами в 1992-м.) В команде полковника Е. Кутейникова он получит чин хорунжего (младший офицерский). Так что профессиональный военный. На зимних квартирах в Голой Каменке у Елизаветграда Пугачёв тяжело заболевает. «Гнили у него грудь и ноги».

Он едет в Черкасск (Старо-Черкасская станица ныне, там я крестил своего сына Богдана летом 2007-го), просится в отставку, но его не отпускают.

Дальше начинаются мытарства Пугачёва, цепь которых приближает его к 17 сентября 1773 года, когда на хуторе Толкачёвых близ реки Яик (ныне Урал) начнётся восстание казаков, перешедшее затем в восстание черни против аристократии.

Отступление о Петре III

Пётр III плохо сейчас известен. Но такое впечатление, что в его время и во времена Екатерины о Петре III было известно куда больше, в том числе и много положительного. Вовсе не зря, я полагаю, выбрал его хорунжий Пугачёв в качестве модели, что ли, в качестве…

Пётр III вовсе не такой немец, какой немкой была Екатерина. Он сын старшей дочери Петра I Анны. То есть по матери этот парень совсем русский.

Вот отец его болезненный, не особо умный герцог Голштинский — таки немец. Мать Анна рожает его в немецком Киле (потому что есть ещё и британский) 10 февраля 1728 года. (Пугачёв рождения 1742, то есть он младше Петра на 14 лет.) В Киль же Анна убежала от светлейшего князя Меншикова. Родив мальчика Петра, Анна умирает в мае, от простуды.

В 1742 году императрица Елизавета, бездетная сдобная

красотка, назначает племянника наследником российского престола. 5 февраля 1742 года его привозят в Петербург. Здесь мальчика, воспитанного немцем, начинают учить на русский и православный лад.

В России его выводят из протестантства в православие и делают великим князем Петром Фёдоровичем.

Пётр Фёдорович, в те времена (то есть во времена Пугачёва) это знали, приходится внуком не только Петру I, но и внуком шведскому королю Карлу XII (поскольку по отцу — герцогу Голштин-Готторпскому Карлу-Фридриху). Так что мог бы претендовать и на шведский трон.

25 августа 1745 года Пётр вступает в брак с Ангальт-Цербстской принцессой Софьей-Августой, нареченный в православии Екатериной Алексеевной.

Разобрались.

Пётр полагал, что найдёт в России погибель.

25 декабря 1761 года Пётр вступил на престол под именем Петра III, а уже 7 июля 1762 года его убили. Он многое успел совершить, пока его не свергла супруга.

• Указ 18 декабря о вольности дворянской, снимавший с дворянства обязательную службу.

• Указ об уничтожении Тайной канцелярии. Манифестом от 21 февраля 1762 г. Пётр объявил о ликвидации зловещей канцелярии розыскных дел и о передаче всех её дел в Сенат. В этом удивительном документе давалась такая оценка Тайной канцелярии: позволяла «злым, и подлым, и бездельным людям оттягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же злостнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». В манифесте провозглашалось, что ненавистное выражение «Слово и дело» не должно теперь значить ничего.

• Занялся положением старообрядцев, издал ряд указов, защищающих их «от чинимых им обид и притеснений».

Петра III высоко ценили такие люди, как Василий Татищев, Михайло Ломоносов, Гавриил Державин.

Ну и стоит ли удивляться появлению многочисленных самозванцев, присваивающих себе имя Петра III после его убийства? Во времена Пугачёва люди знали больше о Петре III, внуке Петра I, а мы с вами всё это потеряли.

Грудь и ноги у Пугачева перестали гнить, потому что его научила, что делать, вдова его боевого товарища — прикладывать к ногам и груди баранью печень. Излечился.

Одна из сестёр Пугачёва, Феодосья, замужем в Таганроге за казаком Павловым. В Таганрог Павлов был направлен с другими казаками «на вечное жильё».

Павлов поведал Пугачёву, что служба в Таганроге тяжёлая и многие казаки числились в бегах. Пугачёв посоветовал Павлову бежать в казачье войско на Тереке.

Пугачёв перевёз Павлова, но сам на Терек не последовал. Павлов же с товарищами сбился с дороги, вернулся в Таганрог, был арестован и указал на Пугачёва. Пугачёв бежал в степь.

Так начались тяжёлые мытарства хорунжего Пугачёва, превратившие его в outlaw. Арестован он был четыре или даже пять раз, успешно бежал всякий раз, ещё глубже увязал в своей ситуации контрактника вне закона. Часто его укрывали старообрядцы. Они, как понятно из вышеприведённых деяний Петра III, были о Петре III самого лучшего мнения.

Русь народная, в которой он нуждался, нуждалась в нём. Его передавали из рук в руки старообрядческие епископы и непослушные казаки.

Впервые Пугачёв приехал в Яицкий городок 22 ноября 1772 года с попутчиком Филипповым. Остановился Пугачёв в доме у казака-старовера Дениса Пьянова. Пугачёв решил рискнуть: «Вот слушай, Денис Степанович, хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я — Государь Петр III». Вот тогда-то на вопрос, как же спасся «государь», Пугачёв сказал, что его спасла гвардия, взяв «под караул, а капитан Маслов отпустил». Пьянов поговорил с «хорошими людьми». Решили подождать до Рождества, когда казаки соберутся на багрение (лов рыбы), тогда они и «примут» Пугачёва.

В Малыковке (ныне город Вольск Саратовской области) по доносу Филиппова Пугачёв был схвачен. Его обвинили в намерении увести яицких казаков на Кубань (тогда принадлежала Турции). Из Малыковки Пугачёва отправили в Симбирск, оттуда в Казань, где в январе 1773 года его заключили в тюремные покои.

Здесь Пугачёв стал выдавать себя за донского казака-старообрядца, говорил, что сидит в тюрьме «по поклёпному делу за крест и бороду». Казанский губернатор фон Брандт написал о Пугачёве только 21 марта, в письме он оценил разговор Пугачёва с Филипповым как пьяную болтовню невежественного казака и считал возможным наказать его кнутом и отправить на постоянное жительство в Сибирь.

Петербург согласился с предложением казанского губернатора. По именному указу Екатерины II приказывалось «учинить» Пугачёву «наказание плетьми», отправить в Пелым, где «употреблять его в казённую работу… давая за то ему в пропитание по три копейки в день». Письмо от генерал-прокурора Вяземского с приложением «именного повеления» императрицы фон Брандт получил 3 июня, но «исполнение по тому указу не

было учинено».

29 мая Пугачёв с колодником Дружининым, подговорив одного солдата и напоив другого, бежали в кибитке.

Пугачёв через Алат, Котловку и Сарсасы по Каме вернулся на юго-восток, проехал мимо Яицкого городка и направился на Таловый умёт к своему старому знакомому Оболяеву, с ним он познакомился в ноябре 1772-го.

Приехал в кибитке, запряжённой парой лошадей. «Платье на нём была крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распущенная, рубашка крестьянская, холстинная, у которой ворот вышит был шёлком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные белые».

Далее Пугачёв звучит здесь как Апостол Павел, не жалуясь, а скорее гордясь своей жизнью:

«Да где уж я не был и какой нужды не потерпел? Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел — уж только одному Богу вестимо».

Появление Пугачёва на Таловом умёте не осталось неизвестным властям. Оренбургский губернатор Рейнсдорп (вы заметили, сколько там немцев в ту пору было: Оренбургский Рейнсдорп, казанский генерал фон Брандт, генерал Траубенберг, генерал Фрейман, разбивший яицких казаков в 1772-м) был осведомлён шпионами, но не придал значения событию.

Утром 17 сентября на хутор Толкачёвых собралось человек шестьдесят казаков, калмыков и татар. Зачитывали манифест. Он дошел до нашего времени, этот манифест.

Император Пётр Фёдорович жаловал казаков, калмыков и татар рекой Яиком, землёй, травами и всяким жалованьем.

В тот же день войска Пугачёва двинулись на Яицкий городок. Впереди ехали знаменосцы. На знамёнах был нашит крест раскольничий.

Тут можно было бы и закругляться. Вернувшись к началу повествования о Пугачёве, к 10 января 1775 года, когда его казнили на Болотном острове в Москве. Когда, по выражению Пушкина, «вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе» (понимай, что палач поднял голову Емельяна Ивановича над эшафотом).

Война, начатая казаками-контрактниками против немки Екатерины II, длилась с 17 сентября 1773 года и, считай, по десятое января 1775-го, когда окровавленная голова повисла в воздухе над Болотным островом, над эшафотом. Пушкину ещё оставалось 24 года до рождения, об окровавленной голове он слышал от кого-то из предыдущего поколения.

Посмотрим всё же основные деяния Емельяна Ивановича в

эти 15 месяцев его деятельности.

Выступив 17 сентября 1773 на Яицкий городок, казаки взять его не смогли, не было пушек, потому, не слезая с сёдел («не слазя с лошадей»), поехали брать форпосты вокруг Яицкого городка.

Практически все форпосты они взяли. Далее я буду обходиться без дат, ибо они только отяготят Вашу память.

Появились первые пушки, порох, ядра. Казаки охотно переходили на его сторону (хотя, к примеру, в Яицком городке под начальством полковника Симонова осталось вдвое больше казаков, чем перешли к Пугачёву от фортпостов, от Илецка и Татищевой крепости).

Пугачёв пошёл на Оренбург. Он не знал, что город не готов к обороне, и промедлил, пошёл наслаждаться гостеприимством «татар» в окрестных населённых пунктах.

Правильно смекнул, что иноверцы больше других готовы выступать против царской власти. Его манифесты распространялись на русском, на арабском, татарском и турецком (тюркском) языках. Он обращался к «мухаметанцам и калмыкам» и обещал им земли и воды, денежное жалованье и соль, «веру и молитву». Тут он всё правильно рассчитал. Мухаметанцев и калмыков, татар, башкир ему удалось воспалить вернее, чем своих. То, что в форпостах казаки поголовно переходили на его сторону (так, в Илецке весь гарнизон, 300 казаков, перешли), легко объясняется тем, что в малочисленных казачьих отрядах на форпостах отдельным несогласным было невозможно идти против общего течения. «К Пугачёву!»

У Оренбурга пугачёвцы простояли, время от времени атакуя город, с сентября по март 1774 года. То есть потеряли, по сути дела, полгода. Для яицких казаков Оренбург был источником всех зол и бед, обрушившихся на Яик, они стремились взять ненавистный город. (Параллельно шла осада и Яицкого городка.)

У Рейнсдорпа в Оренбурге было 3 тысячи человек при 70 орудиях, у Пугачёва 2500 человек при 20 орудиях.

С марта 1774 года Пугачёв начинает терпеть поражения. Потом опять полоса побед.

В июле 1774-го восставшие штурмом овладели Казанью. В Казанском кремле отстреливался гарнизон, и дворяне, и чиновники: горящий Кремль должен был пасть, как тут Пугачёв получил известие о приближении войск Михельсона (опять немец). В боях с Михельсоном Пугачёв был разбит и, потеряв пушки и знамёна, бежал вверх по течению Волги.

После поражения под Казанью казаки говорили Пугачёву: «Время вам итти в Москву принять престол!»

Пугачёв отвечал: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! А когда будет, так и сам без вашего зова пойду. Но я де теперь намерен идти на Дон — меня там некоторые знают и примут с радостью».

21 августа главная армия Пугачёва подошла к Царицыну. 24 августа у Черного Яра армия Пугачёва потерпела жестокое и последнее поражение.

Пугачёв был прекрасным артиллеристом. Придумал устанавливать орудия на сани или лафеты с полозьями, что сделало его армию очень подвижной.

Пугачёв прекрасно владел ружьём, саблей, пикой. На всём скаку пробивал пулей из ружья набитую сеном кольчугу или попадал в шапку, поднятую на пики.

Внешний облик: «Росту два аршина четыре вершка с половиной… волосы на голове тёмно-русые и борода с сединой, от золотухи на левом виску шрам» (это на Добрянском форпосте писáли в паспорте). По показаниям Максима Шигаева: Пугачёв был «среднего росту, лицом продолговат, смугл, глаза карие, волосы тёмно-русые, подстрижены по-казацки. Борода чёрная, с сединою, плечист, но в животе тонок».

Вот его последние дни. Придётся дать длинную цитату из книги «Пугачёв и пугачёвцы».

«В 17 верстах от Чёрного Яра с двумя сотнями яицких казаков с женой и сыном (дочери попали в плен) Пугачёв вплавь переправился на степной левый берег Волги. Он не пал духом и предлагал казакам уйти к терским или запорожским казакам, к калмыкам, в Сибирь или за море, «подымать орды» и продолжать борьбу. Казаки наотрез отказывались, заявляя, что в чужие земли не пойдут, и звали на Яик, где оставались их семьи и дома. Среди казаков зрел заговор. Душой заговора являлись Творогов, Чумаков, Железнов, Бурнов. (…)

На двенадцатый день тяжёлого пути достигли Узе-ней. Далеко не все казаки находились «в сговоре», и заговорщики пытались изолировать Пугачёва от верных ему людей. Когда Пугачёв поехал к старикам-бахчевникам за дынями, с ним поехали и все главари заговорщиков. Чумаков заговорил первым: “Что ваше величество? Куда ты думаешь теперь итти?»

А я думаю, — отвечал Пугачёв, — идти по форпостам и, забрав своих людей, двинуться к Гурьеву городку. Там мы перезимуем, и как лёд скроется, то, севши на суда, поедем за Каспийское море и тамо подымем орды, они верно за нас вступятся.

Иван, что задумал, то затевай! — крикнул Федульев Бурнову.

Бурнов схватил Пугачёва за руки.

Что это вы вздумали? На кого руки подымаете? — закричал

Пугачёв.

На него набросились, отобрали оружие. Пугачёв вырвался, вскочил на лошадь, понёсся к камышам, но его перехватили и связали. В дороге, когда его на время развязали, он схватил шашку и пистолет (пистоль, наверное), направил его в грудь Федульева, но курок дал осечку. Пугачёва сбили с ног, связали и вместе с женой и сыном посадили в телегу.

14 сентября (1774-го) заговорщики явились на Бударинский форпост и сдали Пугачёва с рук на руки сотнику Харчеву. В ночь на 15 сентября Пугачёва доставили в Яицкий городок, а через день капитан Маврин начал допрос Пугачёва. Оттуда, в специальной железной клетке, под охраной воинских частей с артиллерией, Пугачёва повезли в Симбирск, куда он был доставлен 1 октября.

Через день в Симбирск приехал командовавший войсками, действовавшими против Пугачёва, граф Панин.

“Как же смел ты, вор, назваться государем?” — с яростью спросил Пугачёва его усмиритель.

“Я не ворон, я воронёнок, а ворон-то ещё летает”, — ответил ему Пугачёв».

Панин набросился на Пугачёва, избил его и вырвал клок бороды.

[Отметьте, что через без малого два столетия та же сцена повторится в школе в деревне La Higuera, в Боливии, когда Андрэ Селич, командир отряда рейнджеров, вырвет клок волос из бороды у Че Гевары.]

В ноябре 1774 года Пугачёва привезли в Москву и посадили на цепь в Монетном дворе в Охотном ряду (где-то на месте сегодняшнего здания Государственной думы).

Начались новые допросы. Жаль, что у меня нет под рукой выписок из той редкой книги, которую я держал в руках в тюрьме Лефортово, возможно, я их потерял.

На допросах в Яицком городке и Симбирске Пугачёва подвергали пыткам. Кормили плохо.

31 декабря Пугачёв предстал перед судом, а 9 января был вынесен приговор:

«Учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по частям города и наложить на колёса, а после на тех же местах сжечь».

Ну вот, получается, что пугачёвский бунт длился даже не 15 месяцев, всего-то год без трёх дней. С 17 сентября 1773 года до 14 сентября 1774 года.

Игнатий Гриневицкий

Попробуем понять, что чувствовал Гриневицкий, лёжа в месиве кареты, глядя на свои оторванные ноги и стонущего Императора рядом. Прозвище у него было Котик.

Кроткий, скромный, очень религиозный юноша-католик Игнатий Гриневицкий. Шляхтич, родился в фольварке Башин (Басин) Бобруйского уезда Минской области.

Был готов отправиться в ад после смерти.

Завещание: «Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Это необходимо для дела свободы, так как тем самым значительно пошатнётся то, что хитрые люди зовут правлением — монархическим, неограниченным, а мы — деспотизмом… Мне не придётся участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю всё, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может».

В 1879 г. вступил в «Народную волю». К концу 1880 года входит вместе с Т. Михайловым и Рысаковым в состав боевой рабочей дружины по уничтожению Императора.

15 января 1881 г. переходит на нелегальное положение. Желябова арестовывают, руководство берёт на себя Софья Перовская. На пути Императора по Малой Садовой сделан подкоп, заложена бомба. На случай неудачи царя будут ждать бомбисты: Кибальчич, Рысаков, Михайлов и Гриневицкий.

1 марта Император выехал из Михайловского дворца в карете с конвоем.

Александр II сменил маршрут. Не поехал по Малой Садовой. Карета поехала к Екатерининскому каналу, на углу канала и Инженерной улицы она шла медленно.

Раздался страшный взрыв. Невредимый Александр II вышел из кареты. Ранены были казак и мальчик, кричавший от боли. Схватили Рысакова. Император перекрестил подростка, пошёл к Рысакову.

Тут свою бомбу (она была у него в салфетке) бросил Гриневицкий. Бросил между собой и царём. Взрывом оба были смертельно ранены.

Игнатия привезли в придворный Конюшенный госпиталь. Он был без сознания, очнувшись, своего имени не назвал. Коротко сказал: «Не знаю». Умер вечером. Ему было 24 года. В приговоре о нём написали как об «умершем 1 марта человеке, проживающем под ложным именем Ельникова».

«На первой неделе поста царь говел и приобщался к светлым таинствам. 1 марта утром Лорис-Меликов предложил царю подписать заготовленный акт, “Конституцию”. Надо было ехать на развод в Манеж, но Лорис-Меликов настойчиво просил государя не выезжать в этот день из дворца: «Ищут террористов, они где-то близко, их скоро найдут, Желябова уже арестовали… А пока, государь, не выезжайте никуда».

Однако Александр II не внял просьбам своего министра внутренних дел.

И вот карета мчалась по Инженерной улице, свернула вправо по набережной Екатерининского канала. Слева виден канал, справа — ограда вдоль сада Михайловского дворца. Мальчишка-рабочий (…) с улыбкой браво отдал честь государю. Но кто этот молодой человек с небольшим свёртком в руках? Сильный взрыв, громкий треск и столб дыма, огня и пыли взметнулся на набережной. В луже крови на мостовой лежит, корчась от боли, мальчишка (…). Неподалёку, раскинув руки, валялись на земле два убитых казака-конвоира. Царь остался жив. К нему подбежал подпоручик: «Что с Вами, государь?» (Вероятнее, он закричал: «Вы не ранены, Государь?») «Слава Богу», — отвечал царь. «Я уцелел, но вот…»

И он показал на лужу крови и убитых (…)

Александр Николаевич повернулся и направился к раненым. Но не успел сделать и двух шагов. Раздался второй взрыв. Когда пыль и дым рассеялись, все увидели, что император, отброшенный к решётке канала, лежит окровавленный, а неподалёку от него в тяжких муках умирает его убийца.

Это случилось 1 марта 1881 года в два часа тридцать минут пополудни».

Г. Зуев из книги «Вдоль канала Грибоедова»

Как это происходит?

Человек закрывает дверь съёмной квартиры, поворачивает ключ в замке. Выйдя на улицу, помедлив чуть, выбрасывает ключ в траву, либо в снег, если это зима, либо в канал, в Петербурге их много.

Не спеша идёт к месту события, по дороге суёт руку в схрон. Достаёт оттуда орудие будущего убийства.

Он одет простенько, чтобы не привлекать к себе внимания. Тёмная одежда.

Начнём с начала, я что-то пропустил. Перед тем как выйти из съёмной квартиры, он в последний раз окидывает (обводит, обшаривает) её взглядом. В своей новой для него роли сверхъестественного фотографа, запечатлевающего с вечной острой яркостью предметы, уходящий не понимает, чьи это дрова,

чьи это книги, чей стул, на скелете которого висит студенческая тужурка. Квартира отделилась от него, стала ему чужая. Между тем он читал эти книги, носил эту тужурку, вдавливал собою этот стул. На столе квартирная плата. Он задолжал хозяйке мадам Орловой. Уходящий не сомневается, что не вернётся внутрь этой квартиры. Уходит. Затворяет старую дверь. Ключ в старом замке особенно звонко скрежещет.

Выходит по потёртым ступеням в Петербург. В Петербурге уже легче. Сосредоточивает внимание на носах своих ботинок. Они попеременно показываются ему по мере ходьбы. Левый, правый, левый, правый…

В лавке приказчик, свой народоволец, выдаёт ему прикрытый салфеткой котелок — бомбу. Выглядит как обед из ресторана. Теперь бы не упасть. Март. Скользко…

Утверждают, что где-то за сутки до Софья Перов-ская предложила Гриневицкому себя, зная, что он девственник. Он будто бы отказался. По некоторым источникам, у него была невеста, также София. Гриневицкой погиб девственником.

Мы никогда, естественно, не узнаем, какие чувства посещали Игнатия Гриневицкого, лежавшего в луже крови рядом с Императором на мартовском снегу. Он глядел на свои оторванные ноги. Вероятнее всего, он не чувствовал даже боли. Правда ли, что Перовская предложила ему себя? И правда ли, что, мстя за его отказ, она назначила его вторым после Рысакова бомбистом?

Задумавший подвиг, участвующий в подвиге — фигура глубоко загадочная. Он связан с другими невидимыми узами. Гриневицкий выбрасывает ключ, а ведь мог бы вернуться в квартиру и не пойти. Но узы долга, тяжесть клятвы, закон отношений в группе не позволяют никому из них дезертировать.

Я видел генерала Макашова, которого должны были кликнуть диктатором со сцены клуба в подмосковном Вороново, где происходило заседание нескольких сотен депутатов Верховного Совета СССР. Он ходил затравленными шагами за сценой и не было его несчастнее на всей планете. Когда его не выкликнули диктатором, не хватило духу, он, казалось, был счастлив, спало напряжение. Он успокоился. Хотя ведь он был в двух шагах от подвига.

Каракозов

В кармане Каракозова, когда его задержали у Летнего сада, находился рукописный экземпляр прокламации «Друзьям-рабочим». Вот что писал Каракозов — автор прокламации, она же — его предсмертная записка.

«Грустно, тяжко мне стало, что погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел — я умру с мыслью, что смертью своею принёс пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, так всё же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их…»

Далее Каракозов призвал к революции и установлению социалистического строя.

4 апреля 1866 года, когда царь Александр II после прогулки по Летнему саду садился в карету на набережной Невы, в него выстрелил Дмитрий Кара-козов. Промахнулся. То ли потому, что его руку отвёл впоследствии ставший официальным героем некий Осип Комиссаров, то ли потому, что просто промахнулся от волнения.

На преступника набросились окружающие очевидцы.

— Ребята! Я за вас стрелял! — кричал Каракозов.

Александр приказал подвести к нему стрелявшего (по другим источникам наклонился над), спросил:

— Ты поляк?

— Русский.

— Почему же ты стрелял в меня?

— Ты обманул народ, обещал ему землю, да не дал.

— Отвезите его в Третье отделение, — распорядился Александр.

В III Отделении стрелявший назвал себя крестьянином Алексеем Петровым и давать показания отказался. III Отделение поступило хитро. Оно открыло доступ к камере заключённого (можно было посмотреть в глазок) всем, кто захочет опознать стрелявшего. Опознал один из лакеев Знамен-ской гостиницы. У них как раз пропал постоялец из № 65. При обыске в 65-м номере было обнаружено разорванное письмо Николаю Ишутину.

Ишутин (двоюродный брат Каракозова) был арестован немедленно, и от него узнали имя террориста: Дмитрий Каракозов. Следы привели в город Пензу, где семья Каракозовых снимала дом вместе с семьёй Ульяновых.

Существует версия, согласно которой настоящим отцом

будущего террориста Александра Ульянова был первый русский цареубийца Нового времени Дмитрий Каракозов. Убедительное портретное сходство, все остальные дети Марии (матери) Ульяновой — крепенькие и скорее приземистые, в то время как Александр — высокий и тонкий. По свидетельству внучатой племянницы Татьяны Каракозовой, «у Дмитрия Каракозова был серьёзный роман с Марией Александровной Ульяновой. Он и был настоящим отцом Александра Ульянова. Каракозовы и Ульяновы жили в одном доме в Пензе».

Александр Ульянов родился 31 марта (12 апреля) 1866 года в Нижнем Новгороде, так что зачат был еще в 1865-м.

Меня интересует Каракозов-цареубийца, ради этого я и взялся за шариковую ручку («перо» — говаривали в старину), потому удивительную гипотезу о том, что неудавшийся цареубийца Александр Ульянов мог оказаться сыном неудавшегося же цареубийцы Каракозова, исследуйте сами.

Арестовав Ишутина, III Отделение вытащило на свет существование ишутинского кружка («Организации»), в которой идеи цареубийства созрели, и эти идеи привели Каракозова к Летнему саду и покушению на Александра II.

Детали

Велев жандармам отвезти захваченного к шефу жандармов В. А. Долгорукову в III Отделение на Фонтанку, д. 16, император сел в карету и лично отвёз туда же, на Фонтанку, «пистолет» (судя по рисункам того времени, это был ещё и не пистолет, и не револьвер, но двухствольный некий скорее дуэльный механизм убийства, заряжавшийся, скорее всего, с дула). На Фонтанке Александр вручил «пистолет» начальнику штаба корпуса жандармов Н. В. Мезенцеву. «Преступник будет сейчас сюда привезён, узнайте, кто он», — распорядился Александр II и поехал в Казанский собор отслужить молебен. Задержанного доставили в тюрьму III Отделения на Пантелеймоновскую ул., д. 11.

В его карманах нашли фунт пороха, пять пуль, пузырёк с синильной кислотой, порошки стрихнина и морфия и две (в этом источнике ДВЕ) прокламации «Друзьям-рабочим». На следующий день им занялась комиссия под председательством П. П. Ланского, учреждённая в 1862 году для расследования политических преступлений. «Пытали непрерывными допросами днём и ночью, не давая уснуть. Пригласили священника, и тот несколько часов уговаривал арестованного назвать себя. Арестант сделал попытку

перекусить себе вену на руке, после чего его заковали в кандалы. Он отказался от еды, и ему насильно вливали жидкую пищу через трубку.

Ишутинцы

Через 2 дня после ареста Ишутина привезли в Петербург, где на очной ставке Ишутин признал в стрелявшем своего двоюродного брата Дмитрия Владимировича Каракозова. Каракозов (рождения 1840 года, 23 октября) учился в Казанском, потом в Московском университетах. В Москве поселился в квартире Н. А. Ишутина.

Ишутин ещё в сентябре 1863 года организовал революционный кружок. Члены кружка занимались распространением социалистических идей Чернышевского. В 1865 г. стали именовать себя Организацией. В конце 1865 в организации образовался руководящий центр под названием Ад (ну да, именно так, АД, простенько). Центр возглавили Ишутин (как Каракозов, рождения 1840 года) и Каракозов.

Группа АД (о ней члены «Организации» не знали) обсуждала возможность убийства царя с целью вызвать возбуждение в народе. Решительнее всех высказывался, пожалуй, Ишутин. Он, кстати, воспитывался в семье Каракозовых.

Часть организации ишутинцев была раскрыта, а часть перешли позднее и работали в нечаевских кружках (Сморгонская Академия, к примеру).

Каракозов, скрыв эти поездки даже от Ишутина, в феврале 1866 года дважды уезжал в Петербург и там пытался отследить царя.

В конце марта 1866 года Каракозов вернулся в Москву и попытался убедить товарищей в необходимости убийства царя. Все решительно якобы осудили (на основании последующих показаний) подобный план. Скорее всего, это была ложь, сказанная для жандармов. Один из ишутинцев: «Смертью царя воспользуется только сильная партия, а мы — совершенно ничтожный кружок, для которого был бы один вред и никакой пользы».

Не так уж ишутинцы были ничтожны, как себя изображали. У них были организации в Москве, Петербурге, Саратове, Калужской губернии, в Нижнем Новгороде. Они помогли бежать польскому повстанцу Домбровскому (впоследствии генералу Парижской коммуны) из ссылки в Сибири.

Каракозова нёс поток жандармских уложений. Из тюрьмы III

Отделения его перевели в Алексеев-ский равелин Петропавловской крепости. В камеру к нему посадили двух жандармов, они, сменяясь, мешали Каракозову спать.

Известно о его попытке покончить с собой, бросившись в канализационный люк.

3 сентября 1866 года в 6 утра из ворот Петропавловской крепости в окружении конных жандармов выехала открытая колесница. Каракозов сидел спиной к лошади, был прикован к высокому деревянному сиденью чёрной телеги. (Мы понимаем, что бутафория того времени была склонна к оперному романтизму, ну прямо Шиллер и его «Разбойники», в то время как сегодняшняя бутафория полицейщины склонна к техницизму.)

Одет Каракозов был в серый арестантский халат и чёрную шапку, на груди висела дощечка с надписью «Цареубийца». Такие же будут висеть на груди народовольцев через 15 лет, 1881-м.

Колесница остановилась у эшафота. Эшафот был установлен на Смоленском поле Васильевского острова (где ныне стоит Дворец культуры имени Кирова). Эшафот окружали войска, за войсками теснился всегда любопытный народ.

Палач — рыжий мужик без шапки, в красной рубахе, освободил Каракозова от оков. Почти на руках палач и жандарм втащили осуждённого на эшафот и поставили под петлю виселицы. После чтения приговора и напутствия священника палач снял с Каракозова арестантский халат и надел на него мешок с длинными рукавами, накинул на шею петлю и под барабанный бой удушил Каракозова, подняв его тело веревкой, пропущенной через блок.

Тело Каракозова висело до ночи. Ночью труп сняли и зарыли на острове Голодай.

Ишутину вынесли тоже смертный приговор. Шестерых ишутинцев оправдали, остальных (сколько было остальных?) приговорили к ссылке или заключению в крепость.

4 октября Ишутина доставили туда же, на Смоленское поле, вместе с десятью его товарищами.

Ишутина поставили под виселицу, палач надел белый саван. Остальных осуждённых поставили к позорным столбам, с целью совершить над ними гражданскую казнь. Секретарь суда прочёл приговор.

Ишутину надели петлю на шею. Так его продержали несколько минут. Затем появился фельдъегерь (я же говорю — всё ещё невозможно старомодно, исполнено под романтические спектакли) и объявил о помиловании — о пожизненной каторге.

Ишутина отправили было в Сибирь, но с дороги вернули и заточили в Шлиссельбургскую крепость. Через два года его вновь

отправили в Сибирь, где он прошёл через «Шилку, и Нерчинск, и горы Ака-туя», убил такого же каторжника и умер 1879 году в тюремной больнице.

Большая советская энциклопедия даёт справку, что «большинство ишутинцев были не раскрыты и затем участвовали в борьбе в нечаевских кружках.

Сам Сергей Нечаев понимал роль ишутинцев в истории революционного движения в России: “С ишутинского дела началась новая эра революционного понимания”, “мощные образы ишутинцев крепко запечатлелись в глазах юношества и делались образцами”.

Выстрел же Каракозова объявлялся Нечаевым «начинанием нашего святого дела».

Высший авторитет подтвердил значение.

Савонарола

Джироламо Савонарола, печатался под именем Hieronymo da Ferrara, 1452–1498 г. Монах и реформатор.

Я был в Ферраре, где он родился, в мае 2018 года. Там я сфотографировался у его памятника, где он воздымает в небеса крючковатые руки-ножницы.

В чём он ходил? Тот памятник ему в Ферраре, рядом с герцогским дворцом, изображает его, как и многих «античных» героев предыдущих двух или более тысяч лет, закутанным в ткани с обилием складок. Монах, он, наверное, носил сутану, кое-как скроенные чёрные куски ткани, которых выкройка должно быть была несложной. Что передней части, что задней.

Если бы он был рыцарь или аристократ, он носил бы какие-нибудь трико, о которые всё время хлопал бы меч в ножнах. А над поясом, к которому был приторочен меч, у него возвышался бы на его торсе камзол. Но он был монах, и у него не было оружия.

1452–1498 годы. Всего-то 46 лет.

Капюшон, плащ, крест с распятым Иисусом, чётки в три ряда. Родился в Ферраре, в возрасте 23 лет бежал в Болонью, в доминиканский монастырь. Дальнейшая его жизнь — это скитания по монастырям. С 1482 года он во Флоренции — Firenza, в церкви Сан-Марко, со следующего года — в Сан-Лоренцо. Успеха не имеет, плохо говорит. С 1486 в Брегии уже опытный проповедник, бичует людские пороки, призывает к покаянию и пророчит Италии божьи кары за её грехи.

В 1490-м Лоренцо Медичи зовёт Савонаролу в Firenza, где тот вновь проповедует в Сан-Марко. 1 августа 1490 самая удачная его проповедь. Говорит о необходимости обновления церкви, что Бог поразит гневом всю Италию за испорченность. Угрожает проклятием, не стесняясь в выражениях.

В 1491-м избран настоятелем монастыря Сан-Марко. Одновременно сбываются его предсказания — умирает папа Иннокентий. Французский король вторгается в Италию. Савонарола обретает могущество.

В наше время трудно вообразить, какое влияние имели проповедники на общество. После его речи против роскоши женских нарядов дамы перестали надевать в церковь украшения.

Савонарола смело громил священников, проповедников, отцов и матерей, князей, граждан и купцов, крестьян и солдат, укоряя их в отступлении от истинно христианской жизни.

«Рим — это Вавилон, — говорил он. — Вместо внушения народу основ христианского вероучения, прелаты отдаются

поэзии и красноречию. Вы найдёте в их руках Горация, Вергилия, Цицерона».

Папой стал Александр VI Борджиа. Лоренцо Меди-чи умер в 1492-м, правителем Firenza стал его сын Пьеро ди Лоренцо Медичи.

Пьеро ди Лоренцо запретил Савонароле произносить проповеди в течение поста. Савонарола принужден был покинуть Флоренцию. В 1494-м французский король Карл VIII вступил в Италию и в ноябре 1494-го прибыл во Флоренцию.

Савонарола возвращается и становится настоящим повелителем Флоренции. Савонарола был республиканцем. Нападал на богачей. Говоря, что они «присваивают себе заработанную плату простонародья, все доходы и налоги», а бедняки умирают с голода. Всякий излишек — смертный грех, так как он стоит жизни бедным.

В родной Ферраре он стоит на фоне герцогского дворца, задом ко дворцу, хотя, по сути, с распущенными пальцами-когтями должен был бы угрожать богатым — дворцу.

5 февраля 1495 года по предложению Савонаролы Великий совет Флоренции заменил поземельный налог подоходным в размере 10 %. Заёмщиков Савонарола освободил от уплаты долгов, а в апреле 1496 года основал Заёмный банк, потребовав параллельно, чтобы в годовой срок выехали из Флоренции все ростовщики и менялы, бравшие по 32,5 %. Наконец, Савонарола провозгласил сеньором и королём Флоренции Иисуса Христа, сам же он был в глазах народа избранником Иисуса Христа.

Уже здесь можно констатировать, что Савонарола идеологически предшествует Мартину Лютеру (всего на 19 лет ранее) и такому явлению, как Мюнстерская коммуна (1534 год, за 36 лет до Мюнстерской коммуны). Понятным становится, что Европа была сотрясаема одними и теми же идеологическими землетрясениями. Вавилоном и Вавилонской блудницей ведь называл Рим и Лютер…

Савонарола прибегал к шпионажу, ему доносили на богатых и плохо верующих люди из простонародья, которых звали «плаксами» — piagnini. По приказанию папы Савонарола должен был удалиться в Лукку, но его прощальная проповедь так потрясла слушателей, что они уговорили папу отсрочить высылку Савонаролы.

Папа пригласил Савонаролу в Рим, но тот под предлогом болезни отказался. Продолжал свои обличительные проповеди.

Между тем ушла из Флоренции французская армия. В городе свирепствовали болезни, начался голод, финансы были истощены. Герцог Миланский призвал против Флоренции

императора Максимилиана. Савонарола устроил процессию.

Савонарола организовал отряд мальчиков, которые врывались в знатные дома, чтобы следить за исполнением 10 заповедей, бегали по городу, отбирали игральные карты, кости, светские книги, флейты, духи и тому подобные вещи, потом всё это придавалось торжественному сожжению на «костре тщеславия».

«Гуманизм», модное тогда течение в культуре, нашло в Савонароле непримиримого врага, он даже доказывал вред науки вообще.

12 мая 1497-го папа Александр VI, назвав учение Савонаролы «подозрительным», отлучил его от церкви. 19 июня Савонарола ответил «Посланием против лживо испрошенной Буллы об отлучении».

Тогда папа прислал «бреве», где требовал отправки Савонаролы в Рим или заключения его в тюрьму. После второго «бреве» синьория запретила Савонароле проповедовать. 18 марта он простился с народом.

Суд Божий — испытание огнём — 7 апреля не состоялся.

На другой день монастырь Сан-Марко был осаждён разъярённой толпой. Савонарола вместе с его друзьями Доминико Буонвичини и Сильвестро Маруффи был взят и заключён в темницу.

Савонаролу пытали по 14 раз в день.

За время следствия (оно велось около месяца) Савонарола написал в тюрьме два стихотворения в прозе «О я, несчастный» и «Печаль завладела мною».

22 мая ему был объявлен смертный приговор. 23 мая 1498 года при огромном стечении народа он был повешен, а потом тело его сожжено.

Че Гевара

В Че Геваре интересно прежде всего то, почему он не остановился после революции на Кубе. Следовательно, в нём горело большее пламя, чем в его товарищах по Кубинской Революции, даже большее, чем в Фиделе. Сейчас уже широко известно, что, начиная партизанскую войну в Боливии, он имел целью поджечь революцией весь латиноамериканский континент. Потому в его отряде, кроме кубинских офицеров, числились бойцы из полдюжины стран Латинской Америки. Потому он и выбрал Боливию, окружённую такими странами, как Перу, Бразилия, Парагвай, Аргентина и Чили. В эпоху Че с территорией в 1 098 500 квадратных километров Боливия насчитывала менее пяти миллионов населения. Две трети страны были фактически необитаемы.

«Зажжём два, три, множество Вьетнамов» для того, чтобы заставить североамериканцев распылить их силы и таким образом ослабить себя», — вот таким был девиз Че Гевары. И ещё он говорил: «Народ без ненависти не может победить брутального врага».

Боливийцы, аргентинцы, перуанцы, бразильцы и, разумеется, кубинцы. Базой был избран Nancahuasu в департаменте Санта-Круз, в небольшой долине, окружённой вершинами с роскошной растительностью. Че летит с предосторожностями из Гаваны в Париж, чтобы прибыть в Сан-Паулу в Бразилии. У Че уругвайский паспорт № 130748 на имя Adolfo Mena. Он лыс, на нём темные очки, тёмный костюм, галстук. У него документ от организации Американских государств, удостоверяющий, что он занимается изучением экономических и социальных отношений в Боливии.

Это 3 ноября 1966 года, он приземляется в аэропорту Ла-Паза в авионе из Мадрида и Сан-Паулу.

5 ноября в 06:30 он покидает Ла Паз, в джипе с ним двое. Через несколько часов второй джип покидает город. В нём трое.

7 ноября 1966 года Че начинает в германской agende красного цвета свой впоследствии ставший знаменитым «Боливийский журнал».

31 декабря прибывает Monje (шеф боливийской компартии). Он настаивает, что он будет руководить военными действиями, пока революция происходит на боливийской земле. Компартия Боливии останется нейтральной, отдельные кадры примкнут к борьбе.

1 января 1967 г. Monje покидает базу неудовлетворённый. С 8 по 10 января пленум ЦК Боливийской компартии ратифицирует

позицию Monje. Это означает, что Че будет лишён логистической поддержки коммунистов.

11 января. Новость о том, что радиопередатчики оксидированы. Два других передатчика были разбиты ранее.

19 января. Врач явился и сообщил, что полиция явилась на другой campement в поисках производителей кокаина.

Большая часть контингента, которые должны прибыть, пропали в пути по причине наводнений и неточностей.

В ноябре Monje был в Болгарии. Скорее всего, он был и в Москве, иначе бы он не пропадал 40 дней. Советское решение: нельзя трогать Латинскую Америку согласно уговору с США после истории с ракетами. Москва не хочет пожара, мечтаемого Че, и манипулирует Monje для того, чтобы он сделал неудачной боливийскую экспедицию.

История Моиза Гевары иная. Его и его группу называют «пекинцами» или «маоистами». Он находит своих рекрутов в профсоюзе шахтёров. Но с 15 января вся страна подвержена ритуалу Карнавалито, в ходе которого алкоголь течёт реками. Поэтому Моиз Гевара пришёл к Че только с семью людьми.

Всего к Че собрались 53 революционера вместо 250.

22. Че и его отряд выступают вдоль течения.

26 февраля, переправляясь через Рио Гранде, Бенжамен, не умеющий плавать, утонул.

Противоречия между людьми беспокоили Че, так же как и отсутствие дисциплины.

16 марта решили съесть лошадь.

17 марта плот, на котором были рюкзаки, шесть ружей, почти все боеприпасы и человек, были затянуты в воронку.

19 марта. Небольшой самолёт облетел регион, и это не предвещает ничего хорошего.

21 марта. «Француз» (Реджис Дебре, я с ним познакомился в 80-е в Париже, с уже старым и усталым) явился, чтобы остаться с нами, но я просил его вернуться и организовать сеть во Франции, проехать через Кубу. Я должен написать письма к Сартру и Бертрану Расселу, чтобы они организовали сбор интернациональной помощи движению освобождения Боливии.

23 марта. День военных действий. Коко прибежал, чтобы сообщить нам, что армейское отделение попало в засаду. Взяты три мортиры 60 мм, 16 маузеров, 3 базуки, 3 «УЗИ», два радио, обувь, семь мертвых, 14 пленных, четверо раненых, но не захватили продуктов питания.

26 марта. С обсерватории Арганараз видели от 30 до 40 солдат и геликоптер, который садился.

27 марта. По захваченному радио взорвалась новость,

вызвавшая множество комментариев и даже пресс-конференцию президента Барриентоса. Совершенно ясно, что дезертиры или пленные заговорили, только непонятно, что они наговорили и когда. Всё, кажется, свидетельствует, что Таня была идентифицирована и, таким образом, два года работы потеряны. Отъезд визитёров теперь стал очень трудным. У меня такое впечатление, что это не доставило удовольствия Дантону (Реджис Дебре), когда я ему об этом сказал. Посмотрим позже.

28 марта. Радио наполнено новостями о герильерос.

Мы окружены 2 тысячами человек: в районе 120 километров, и окружение стягивается, дополненное бомбардировщиками и напалмом. Мы потеряли от десяти до пятнадцати. Француз доказывает со слишком большим пылом, насколько он может быть полезен вовне.

Новости, не попавшие в дневник Че:

6 марта авангард колонны, возглавляемый кубинцем Маркосом, совершил неосторожность: по причине ужасного голода явились, вооружённые, в дом работника «Ямимиентос Петролерос» Епифания Вар-гаса. А он был антенной IV дивизиона из Камири, информатор и проводник. Он их немедленно выдал.

11 марта два боливийца, рекрутированные кое-как, дезертировали. Они пришли в казарму в Камири и дали детальную информацию, которая позволила боливийской армии и службам контрразведки получить сведения о присутствии Че в Боливии с Таней, французом Реджис Дебре, аргентинцем Сиро Бастосом и перуанцем Хуаном Пабло Наваро по прозвищу Чанг.

24 марта армия нашла в гараже в Камири, населённом пункте, расположенном в шестидесяти километрах к северу от базы, джип Тани, и в её номере в отеле запись речи Фиделя, так же как и две кассеты кубинской музыки. Это послужило доказательством против неё. После того как привезли на центральную базу Бастоса и Дебре, она намеревалась быстро вернуться в Ла-Паз.

По всей вероятности, Че допустил в эти дни марта тактические ошибки. Когда 23 марта Коко прибежал, чтобы объявить, что колонна военных попала в засаду, Че, лежавший в своём гамаке, читал, бросил читать свою книгу, вскочил на ноги и издал, весь озарённый, клич войны и счастья. Перед тем как раскурить одну из сигар, которые он сберегал на дне своего рюкзака для больших случаев. По-видимому он решил, что случившееся — важнейший перелом в партизанской войне в его пользу.

6 апреля. День больших переживаний. В 8 часов Ро-ланд нам дал знать, что с дюжину солдат находятся в том месте, которое

мы только что покинули. Мы медленно ушли и в 11 часов уже были вне опасности.

10 апреля. Эль Рубио и Джезус Суарез Гайоль смертельно ранены.

11 апреля. Тотальное количество потерь врага: десять трупов, среди которых два лейтенанта, 30 пленных, один майор и несколько унтер-офицеров. Все остальные солдаты. Рейнджерсы, парашютисты и солдаты из региона, некоторые почти мальчики. Чилийский журналист сделал детальное описание нашей базы и нашёл одно из моих фото без бороды и с трубкой.

17 апреля. Мы узнали, что сын крестьянина исчез и что он, вероятно, отправился стучать на нас, но мы решили уходить, постараемся помочь выйти Французу и Карлосу раз и навсегда.

19 апреля. Появляется английский журналист по имени Roth (как потом оказывается, агент CIA).

25 апреля. Помбо является от обсерватории, чтобы объявить, что 30 солдат приближаются. Во время стычки с ним гибнет Роналдо, «лучший человек в герилье», как его характеризует Че Гевара.

27 апреля. Холод интенсивный ночью. Подтверждается, что Дантон (Франсе, Реджис Дебре) взят в плен вблизи Камири, без сомнения, другие живые вместе с ним…

Остановимся. Видна с самого начала трагедия, невезение. Однако Че словно не замечает этого и продолжает вопреки всему своё роковое движение к подвигу. Даже когда Урбано, боец бешеного темперамента, убивает (пуля в голову) Лоло, козлёнка, маскота их отряда, Че невозмутим. Он констатирует хладнокровно, что Siempre опубликовал интервью президента Барриентоса, который, среди прочего, признал, что в армии есть американские военные советники и что герилья рождена социальными проблемами Боливии.

В своем резюме за апрель Че пишет: «Вещи себя представляют как почти нормальные, несмотря на то что мы оплакиваем две тяжёлые потери: Рубио и Роландо». «Дантон и Карлос, — объясняет он себе, — пали жертвами их торопливости, желания почти отчаянного уйти и моего недостатка энергии, чтобы помешать им». (На самом деле они пали жертвой недогадливости и отсутствия интуиции отряда и Че лично, они были отправлены с агентом CIA по имени Roth.)

24 апреля. Американские эксперты Тодор Кирш и Джозеф Келлер в компании агента CIA Эдуарда Гонзалеса участвуют в допросе Дебре и Бастоса. В присутствии французского нациста Клауса Барби.

5 мая. Сообщили, что Дебре будет судим военным

трибуналом в Камири как предполагаемый шеф и организатор герильи. Его мать прилетает завтра, много шума вокруг этой истории.

8 мая. Взяты в плен 6 солдат.

9 мая. Мы встали в 4 утра и мы освободили солдат, после того как поговорили с ними.

13 мая. Мы остаёмся совершенно иммобилизованы после поедания свинины 12 мая (диарея).

20 мая. Барриентос отказался признать журналистские качества Дебре и сообщил, что запросит Конгресс о восстановлении смертной казни.

Резюме месяца.

1) Отсутствие контактов с Манилой, Ла-Пазом урезало нас до 25 человек.

2) Тотальное отсутствие участия крестьян.

3) Шум вокруг аферы Дебре дал больше воинской ценности нашему движению, чем десять победоносных сражений.

В этот месяц май личный состав 4-го и 8-го дивизиона превысил 4800 человек, чтобы бороться против герильерос, которые не насчитывали и пятидесяти.

8 июня. «Я вынужден был послать очередное предупреждение Урбано, из-за его наглостей» (это тот, который убил козлёнка пулей в голову).

14 июня. «Я прибыл к тридцати девяти годам…»

19 июня. «Необходимо загонять жителей для того, чтобы поговорить с ними, так как они как маленькие животные».

23 июня. «Астма начинает мне серьёзно угрожать».

25 июня. «Моя астма продолжает возрастать и сейчас мешает мне спать».

26 июня. Обнаружены четыре убитых солдата. На берегу реки с оружием. Гибнет Тума, компаньон Че, пуля разорвала печень.

30 июня. В политическом плане наиболее важна декларация командующего армией Овандо Кандиа. Якобы основанная на признаниях Дебре. Среди прочего: якобы в рядах герильерос присутствуют командиры Вьетконга.

Анализ месяца.

1) Тотальное отсутствие контакта, нас 24 человека.

2) Отсутствие участия крестьян.

3) Легенда о герилье приняла баснословные пропорции.

4) Дебре продолжает оставаться в центре информации, но сейчас в связи со мной, и я появился как шеф этого движения.

5) Мораль герильерос крепка. Все кубинцы дают пример в боях, и только два-три боливийца остаются мягкими (mous).

6) Армия остаётся на нуле по выполнению боевых задач, но

они поработали с крестьянами так, что превратили в стукачей всю общину.

3 июля. Моя астма продолжает воевать со мной.

8 июля. Я сделал множество уколов, чтобы продолжать, и в конце концов я использовал раствор адреналина 1/900.

10 июля. Декларации Дебре и Пелао не хороши, они признали континентальную цель герильи, чего они не должны были делать.

15 июля. Мы убили корову мэра, и мы сделали себе роскошную еду. Астма меня немного покинула. Барриентос анонсировал операцию Синтия, чтобы нас ликвидировать в несколько часов.

24 июля. Мы пытаемся дешифровать длинный мэсидж из Манилы. Друзья называют меня новым Бакуниным и сожалеют о пролитой крови.

27 июля. Восемь молодых солдат пошли к западне, только четверо в неё попали, так как остальные решили немного отдохнуть. Трое мёртвых наверняка и ещё один, возможно. Астма меня взяла в оборот, с редкими спокойными эпизодами.

30 июля. Рауль мёртв от пули в рот. Пачо легко ранен в ляжки и чуть-чуть задета кожа гениталий. Рикардо очень серьёзно задет, и мы забыли остатки плазмы в рюкзаке Вилли. В 22 часа Рикардо умер, и мы его захоронили в закрытом месте, чтобы солдаты его не нашли.

31 июля. Потеряли 11 мешков с медикаментами, бинокль и некоторые компрометирующие объекты: магнитофон, на котором записаны мэссиджи из Манилы, книга Дебре, помеченная мною, и книга Троцкого. Нас 22, двое из которых ранены: Пачо и Помбо и я с астмой, всё ломающей.

Анализ месяца.

1) Тотальное отсутствие контакта продолжается.

2) Чувствуется отсутствие рекрутов-крестьян.

3) Легенда герильи приняла континентальные размеры.

1 августа. Рыли траншею, чтобы устроить засаду.

3 августа. Пачо поправляется, я, напротив, плох… Я сделал укол новокаином в вену, без результата.

8 августа. Пачо поправляется, но я — отброс человека.

14 августа. Слушая информацию, мы узнали об обнаружении пещеры. Они взяли там документы разного рода. Это — жесточайший удар. Кто-то, очевидно, проговорился. Кто? Это тайна.

15 августа. Радио в Санта-Круз сообщило, что армия захватила двух пленных из группы Мицупампа.

16 августа. Мул меня сбросил на землю, споткнувшись о

кусок дерева.

17 августа. Радио сообщило, что представит документы и доказательства из четырёх пещер Нанкахуазу.

18 августа. Инти мне сказал, что Камба хочет уйти, физические условия, в которых он находится, не позволяют ему продолжать. И другое: он не видит перспектив борьбы. Это, конечно же, типичная трусость. Но он знает наш будущий путь и потому не может сейчас уйти.

19 августа. Артуро убил тапира.

23 августа. Суд над Дебре отложен на сентябрь.

26 августа. Всё плохо повернулось. Семь солдат появились, но пять вниз по течению и два, чтобы пересечь реку. Антонио выстрелил слишком рано, не попал, и это позволило солдатам убежать.

Резюме месяца.

Ситуация, без сомнения, наихудшая (шесть строк о потере пещеры с документами).

1) Никакого контакта и без надежды иметь оный в будущем.

2) Так и не получили участия крестьян.

3) Мораль у герильерос снижается, надеюсь ненадолго.

Факты, неизвестные Че Геваре, произошедшие в то время:

4 июля два дезертира, Эусебио и Чинтало, задержанные армией, привели солдат к «стратегическим гротам». Открытие документации позволило власти уничтожить городскую сеть герильос. Была арестована Лойола Гусман.

Со всего мира съехались на процесс Дебре журналисты и персоналити. Джианкарло Фельтринелли (умер странной смертью 15 марта 1972 года в окрестностях Милана), Франсуа Масперо.

31 августа. Засада в Вадо дель Йесо. Арьергард Жоакина, ведомый Онорато Ройас(ом) — крестьянином, вышел на берег Рио-Гранде, где был расстрелян. Погибли среди других и Таня (Тамара Бункер), и боливийцы, и перуанцы. Семь человек.

Опять к боливийскому дневнику. Я выбираю из него только героические происшествия, руководствуясь моим собственным мнением. Э. Л.

2 сентября. Радио дало отвратительную новость об уничтожении группы в десять человек во главе с командиром-кубинцем по имени Жоакин в зоне Кимиры. НО, это «Голос Америки» дал новость, и местные радиостанции о ней не говорили.

3 сентября. Наши убили солдата, который был с собакой. Авион пролетал над зоной и выпустил несколько ракет.

4 сентября. Радио выдали все сведения об Эль Негро,

перуанском докторе, убитом в Пальмарито и транспортированном в Камири. В этот раз, должно быть, это реальная смерть. Все другие могут быть фиктивны.

5 сентября. В доме домохозяина Морона обнаружились солдаты, которые были обнаружены по их собакам.

6 сентября. Бенинье. День рождение Бенинье. Приготовили тесто с матэ. Как вдруг услышали выстрел, затем короткую очередь, ещё выстрел. Когда мы заняли позиции, Урбано прибежал. Он наткнулся на патруль с собаками.

7 сентября. Радио Ла Круза объявило об обнаружении трупа Тани на берегу Рио-Гранде. Детали не дают, впрочем, того же впечатления правды, как в случае с Эль-Негро; труп был привезён в Санта-Круз.

8 сентября. Радио объявило, что Барриентос присутствовал на захоронении останков герильеры Тани, которая получила «христианские похороны». Журнал из Будапешта критикует «Че» Гевару, фигуру, достойную жалости и, очевидно, безответственную, и приветствует марксистский подход Чилийской компартии. Как я хочу прийти к власти исключительно для того, чтобы стащить маски с трусов и лакеев всех сортов и ткнуть их мордами в их свинство.

11 сентября. Радио объявило этим утром, что Барриентос подтвердил, что я мёртв уже долгое время, что он предложил 50 000 (4200 USD) за сведения, которые позволят изловить меня мёртвым или живым.

12 сентября. Предложение Барриентоса вызвало определённую сенсацию. Журналисты находят, что 4200 долларов — это мало для той опасности, которую я представляю.

13 сентября. Радио объявило о выстреле в воздух возле Дебре-отца и что конфисковали у сына все приготовленные к защите документы.

14 сентября. Радио оповестило об аресте Лойолы, очевидно, по причине фотографий.

16 сентября. День прошёл в строительстве плота и пересечении реки.

22 сентября. В Alto Seco Инти провёл (наконец!) собрание крестьян в зале (1-го и 2-го годов) школы, где объяснил пятнадцати крестьянам цели нашей революции.

26 сентября. Бениньё ранен. Мигель, Коко и Джулио убиты. Камбо исчез. В это время небольшой отряд Че находится в Пикачо, где все мужчины убежали и в наличии только женщины. Выясняется, что и Леон исчез.

27 сентября. Радио объявило, что у нас была стычка с компанией Галиндо, трое мёртвых, что их транспортировали в

Валле Гранде, чтобы идентифицировать. Судя по всему, они не захватили ни Гамбу, ни Леона.

28 сентября. День тревоги. В какой-то момент мы поверили, что он будет последним. В 10 часов 46 солдат прошли перед нами, и у них ушли столетия, чтобы удалиться. В 12 часов появилась другая группа, в этот раз в 77 человек. И вершиной всего прозвучал выстрел, и солдаты заняли позиции. Офицер дал приказ спускаться в овраг, вероятно, в наш. Но в конце концов они пообщались по радио и не стали спускаться.

30 сентября. Утром радио Бальмагеда из Чили объявило, что официальные источники армии знают, что Че Гевара загнан в дикий овраг.

Ну вот, наступают последние дни для Че и его группы. Верный себе, он начинает резюме месяца с good, хотя какие уж там были good. Но Че находит: «Это мог быть месяц отдыха, и он таковым почти был, но засада, в которой погибли Мигель, Коко и Джулио…»

Затем Че высказывает мысль, что, возможно, в группе Иоахима погибли не все.

И наконец: «Задача самая важная — уйти и искать более удобные зоны, затем контакты, несмотря на то что вся сеть ликвидирована в Ла-Паз(е), мораль группы скорее хороша, у меня есть сомнения только по поводу Вилли…»

То, чего Че Гевара не мог знать.

18 сентября вице-президент Боливии Луис Адольфо Салинас и североамериканские инспектора закрыли курсы обучения отряда «Rangers» и выдали всем дипломы. Закончилась церемония парадом 640 рейнджеров в униформе и в зеленых беретах.

22 августа. После первого политического митинга герильерос в Альто Секе, где не только Инти, но и Че выступал, мэр сдал герильерос соседнему армейскому гарнизону в Валле Грандэ.

1 октября. Я решил остаться на весь день здесь.

3 октября. Мы слышали интервью Дебре, очень храброе.

4 октября. В 18 часов мы оставили горло оврага и пошли по тропинке, продолжаемой козьей тропой до 19:30, в час, в который уже ничего не видно, и мы оставались тут до 3 часов утра.

6 октября. Чилийское радио сообщило, что 1800 солдат находится в регионе, идут по нашим следам.

7 октября. Последняя запись в журнале Че.

«11 месяцев назад мы начали герилью, заканчиваются без осложнений, буколически, когда в 12:30 старуха явилась к своим козам, туда, в овраг, где мы расположились, и мы должны были сделать её пленницей. Старуха не дала нам никаких новостей, достойных веры, в том, что касалось солдат. (…) Она нам дала

лишь информацию о дорогах. (…)

Мы пошли, семнадцать под слабым светом луны, и наш марш был очень болезненным. В 2 часа мы остановились отдохнуть. Эль Чино становится действительно тяжёлым, когда приходится идти ночью…»

Последние слова боливийского дневника:

H (высота) — 2000 м.

Капитан Прадо.

Время 15:30. Падение Рамона подтверждаю. Ожидаю приказа. Он ранен.

В 16:30 геликоптер прибывает, но не может сесть, так как герильерос, которые смогли уйти, его встречают выстрелами. Пилот вынужден возвратиться в Валле Грандэ.

В 17:30, когда спускается ночь, колонна покидает зону операции и спускается в деревню La Higuera, она на расстоянии восьми километров. Че, Чино и Вилли, руки связаны, спускаются. За ними трупы герильерос.

Военные ведут троих в небольшую школу, земляной пол. Их рассаживают в разные классы.

Около 21 часа. Офицеры после обеда возвращаются, чтобы попытаться вытащить из Че информацию, которая поможет поймать ещё находящихся на свободе товарищей. Andre Selich, командир отряда в Валле Грандэ, оскорбляет Че, хватает его за бороду с такой силой, что вырывает пучок волос. В ответ получает (якобы) пощечину от Че двумя связанными руками. Около 23 часов мэссидж из Валле Грандэ.

«Держите Фернандо живым до моего прибытия завтра утром в геликоптере. Полковник Зентено Анайя».

В 06:30 прибывает в геликоптере полковник Анайя и кубинец из CIA Феликс Рамос. Рамос фотографирует Че и Боливийский журнал.

Ну и последняя сцена. Из троих унтер-офицеров выбран один, Mario Teran, у которого день рождения.

Че: Стреляй! Стреляй!

Солдат дрожит. Он вспоминал:

«Его глаза интенсивно горели. Он меня завораживал. Я его видел большим, огромным…»

В 13:30 Teran все же стреляет. Очередью из бельгийского UZI.

Такое впечатление, что Че хотел умереть. Ну не с самого начала высадки в Боливии. Но когда он понял, что всё получается плохо, как будто проклято, он последовал за судьбою.

Несколько исследователей боливийского похода команданте обратили внимание на то, что Че странным образом кружил вокруг своей базы в Нанкахуазу, как вокруг квартиры, где он

живёт. Заботясь о ней, возвращаясь туда.

Обращает внимание и та беспечность, с которой на базе были закопаны компрометирующие фотографии и документы. Ну зачем, зададимся вопросом, туда были положены фотографии Лойолы Гусман — шефа городской сети герильерос в Ла Паз? Ну они никак не были там в схроне абсолютно необходимы. Я бы лично не положил её фотографии и в швейцарский банк.

Моё впечатление такое, что в тяге к подвигу элементами являются и вот такие «просчёты», а на самом деле и не просчёты. Разве наша христианская цивилизация не покоится на изначальной жертве? Иисус.

Че Геваре, вероятно, не хватило военного ума, и то, что он кружил с герильерос вокруг его городских ценностей, закопанных на базе, свидетельствует о том, что его мышление было мышлением интеллектуала, а не партизанского вождя. Интеллектуал же печётся о своих архивах, партизанскому вождю они без разницы. Как командир Че вёл себя глуповато.

А его приступы астмы! То, что он трясся, бледный, измученный припадками, то на муле, то на белой кобыле, деморализовало его отряд. Им нужен был здоровый команданте.

Ну и несколько побочных противоречивых мыслей. В одно время с ним на континенте действовали куда более успешные партизанские вожди. Однако то обстоятельство, что Че был интеллектуалом и автором книг (я лично читал две: «Реминисценции Кубинской Гражданской войны» и «Учебник партизана»), выделило Че из среды полевых командиров. А его безусловно героическая глупая гибель добавили ему успеха.

Янек Каляев

Сын околоточного надзирателя и польской женщины. Католик.

Проект устава боевой организации эсеров, самое начало:

«Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех его представителей, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить дальше самодержавный строй».

Лучше всех, чуть ли не с совместного детства в Варшаве, Каляева знал Савинков. Ему слово, выдержки из его «Воспоминаний террориста»:

«Каляев любил революцию так глубоко и нежно, как любят её только те, кто отдаёт за неё жизнь. Но, прирожденный поэт, он любил искусство. Когда не было революционных совещаний и не решались практические дела, он подолгу и с увлечением говорил о литературе. Говорил он с лёгким польским акцентом, но образно и ярко. Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революционерам, были для него родными. Он не мог понять ни равнодушия к их литературным исканиям, ни тем более отрицательного к ним отношения: для него они были революционерами в искусстве. Он горячо спорил в защиту “новой” поэзии и возражал ещё горячее, когда при нём указывалось на её якобы реакционный характер. Для людей, знавших его очень близко, его любовь к искусству и революции освещалась одним и тем же огнём — несознательным, робким, но глубоким и сильным религиозным чувством. К террору он пришёл своим особенным, оригинальным путем и видел в нём не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву».

«Каляев действительно думал так. Он не отрицал, конечно, значения мирной работы и с интересом следил за её развитием, но террор он ставил во главу угла революции. Он психически не мог, не ломая себя, заниматься пропагандой и агитацией, хотя любил и понимал рабочую массу. Он мечтал о терроре будущего, о его решающем влиянии на революцию.

— Знаешь, — говорил он мне в Харькове (Савинков и Каляев были на “ты”, оба учились в 1-й русской гимназии в Варшаве, и там с ними учился Йозеф Пилсудский, у обоих матери были

польки, Каляев, к тому же, практикующий католик), я бы хотел дожить, чтобы видеть… Вот, смотри — Македония. Там террор массовый, там каждый революционер — террорист. А у нас? Пять, шесть человек, и обчёлся… Остальные в мирной работе. Но разве с. р. может работать мирно? Ведь с. р. без бомбы уже не с. р. И разве можно говорить о терроре, не участвуя в нём?.. О, я знаю: по всей России разгорится пожар. Будет и у нас своя Македония. Крестьянин возьмётся за бомбы. И тогда — революция…»

«Мы сидели на чьей-то заросшей мохом могиле. Он говорил своим звучным голосом с польским акцентом:

— Ну слава богу: вот и конец… Меня огорчает одно — почему не мне, а Егору первое место…» (Речь шла о покушении на Плеве, Егор Сазонов был первым метальщиком.)

«— Янек!

— Ну что?

— Иди.

Он поцеловал меня и торопливо, своей легкой и красивой походкой, стал догонять Сазонова».

«Мы сидели с ним в грязном трактире в Замоскворечье. Он похудел, сильно оброс бородой, и его лучистые глаза ввалились. Он был в синей поддёвке, с красным гарусным платком на шее. Он говорил:

— Я очень устал… устал нервами. Ты знаешь, — я думаю, — я не могу больше… Но какое счастье, если мы победим. Если Владимир будет убит в Петербурге, а здесь, в Москве, — Сергей… Я жду этого дня… Подумай: 15 июля, 9 января, затем два акта подряд. Это уже революция. Мне жаль, что я не увижу её…

(…)

Я не могу. Я буду спокоен только тогда, когда Сергей будет убит. Если бы с нами был Егор… Как ты думаешь, узнает Егор, узнает Гершуни? Узнают ли в Шлиссельбурге?.. Ведь ты знаешь, для меня нет прошлого — всё настоящее. Разве Алексей умер? Разве Егор в Шлиссельбурге? Они с нами живут. Разве ты не чувствуешь их?.. А если неудача? Знаешь что? По-моему, тогда по-японски…

— Что по-японски?

— Японцы на войне не сдавались…

— Ну?

— Они делали себе харакири».

Вот что Каляев писал 22 января перед покушением на великого князя Сергея:

«Вокруг меня, со мной и во мне сегодня ласковое сияющее солнце. Точно я оттаял от снега и льда, холодного уныния, унижения, тоски по несовершённом и горечи от совершающегося.

Сегодня мне хочется только тихо сверкающего неба, немножко тепла и безотчётной хотя бы радости изголодавшейся душе. И я радуюсь, сам не зная чему, беспредметно и легко, хожу по улицам, смотрю на солнце, на людей и сам себе удивляюсь, как это я могу так легко переходить от впечатлений зимней тревоги к самым уверенным предвкушениям весны».

2 февраля Каляев увидел в карете великого князя, его жену великую княгиню Елизавету и детей — Павла, Марию и Дмитрия. Он опустил бомбу и отошёл.

4 февраля.

«Подъезжая к Каляеву, я склонился в пользу первого решения и, когда он сел ко мне в сани, я, рассказав ему об отказе Куликовского, предложил отложить дело. Каляев заволновался:

— Ни в коем случае… Нельзя Дору (Дора Бриллиант заряжала бомбы) ещё раз подвергать опасности… Я всё беру на себя.

(…) Каляев:

— Неужели ты мне не веришь? Я говорю тебе, что справлюсь один.

Я знал Каляева. Я знал, что никто из нас не может так уверенно поручиться за себя, как он. Я знал, что он бросит бомбу, только добежав до самой кареты, не раньше, и что он сохранит хладнокровие. Но я боялся случайности. Я сказал:

— Послушай, Янек, двое всё-таки лучше, чем один… Представь себе твою неудачу. Что тогда делать?

Он сказал:

— Неудачи у меня быть не может.

Его уверенность поколебала меня. Он продолжал:

— Если великий князь поедет, я убью его. Будь спокоен.

(…) Я принял решение: Каляев шел на великого князя один. Мы слезли с саней и пошли вдвоем по Ильинке к Красной площади. Когда мы подходили к Гостиному двору, на башне в Кремле часы пробили два. Каляев остановился.

— Прощай, Янек.

— Прощай.

Он поцеловал меня и свернул направо, к Никольским воротам».

«Когда я вышел на Кузнецкий мост, я услышал отдалённый глухой звук (…) Внизу, у Иверской, нам навстречу попался мальчишка, который бежал без шапки и кричал:

— Великого князя убило, голову оторвало».

«Против всех моих забот, — пишет Каляев в одном из писем к товарищам, — я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырёх шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем

взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колёс. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнажённое тело… Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошёл, поднял её и надел…

(…) “Держи, держи”, — на меня чуть не наехали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся».

«Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: “Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!” Меня привезли в городской участок… Я вошёл твёрдыми шагами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек… И я был дерзок, издевался над ними.

Меня перевезли в Якиманскую часть, в арестный дом. Я заснул крепким сном…»

Из Якиманской части Каляева перевели в Бутырскую тюрьму, в Пугачёвскую башню. Через несколько дней его посетила жена убитого им Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна.

«Мы смотрели друг на друга, — писал об этом свидании Каляев, — не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я — случайно, она — по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития.

И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на её лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе, за то, что она не погибла.

— Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку».

Свидание это впоследствии было передано в печати в неверном и тенденциозном освещении.

Из заключения, где он находился в ожидании суда, Каляев написал своим товарищам несколько писем.

Позволю себе лишь выдержки из них, которые показались мне уместными для иллюстрации внутреннего мира человека, совершившего подвиг.

«(…) я — в пределах моего личного самочувствия — счастлив сознанием, что выполнил долг, лежавший на всей истекающей кровью России.

Вы знаете мои убеждения и силу моих чувств, и пусть никто не скорбит о моей смерти».

«Вся жизнь мне лишь чудится сказкой, как будто всё то, что случилось со мной, жило с ранних лет в моём предчувствии и зрело в тайниках сердца для того, чтобы вдруг излиться пламенем ненависти и мести за всех…»

«Помилование я считал бы позором».

Каляева судили в особом присутствии Сената 5 апреля 1905 года. Он произнёс замечательную речь:

«Прежде всего, фактическая поправка: я — не подсудимый перед вами, я ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы — представители императорского правительства, наёмные слуги капитала и насилия. Я — один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слёз, разлившееся по всей стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов. Взяв меня в плен, вы теперь можете подвергнуть меня пытке медленного угасания, можете меня убить, но над моей личностью вам не дано суда. (…) Великий князь был одним из видных представителей и руководителей реакционной партии, господствующей в России. Партия эта мечтает о возвращении к мрачнейшим временам Александра III, деятельность, влияние великого князя Сергея тесно связано со всем царствованием Николая II от самого начала его. Ужасная Ходынская катастрофа и роль в ней Сергея были вступлением в это злосчастное царствование (…)»

«Моё предприятие окончилось успехом. (…) И я рад, я горд возможностью умереть за неё (Новую Россию) с сознанием исполненного долга».

В 3 часа дня Каляеву был вынесен приговор: смертная казнь.

«Я счастлив вашим приговором, — сказал он судьям, — надеюсь, что вы решитесь его исполнить надо мной так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социалистов-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции».

9 мая Каляев был перевезён на полицейском пароходе из Петропавловской крепости в Шлиссельбург. В ночь на 10 мая, около 10 часов вечера, его посетил священник, отец Флоринский. Каляев сказал ему, что, хотя он человек верующий, но обрядов не признаёт. Священник ушёл. Во втором часу ночи, когда уже светало (ночи-то белые, май месяц), Каляева вывели на двор, где чернела готовая виселица. На дворе находились представители сословий, администрация крепости, команда солдат и все свободные от службы унтер-офицеры. Каляев взошёл на эшафот. Он был весь в чёрном, без пальто, в фетровой шляпе.

Стоя неподвижно на помосте, он выслушал приговор. К нему

подошёл священник с крестом. Он не поцеловал креста и сказал:

«— Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти».

Место священника занял палач Филиппов. Он набросил верёвку и оттолкнул ногой табурет.

Похоронен Каляев за крепостною стеною, между валом, окаймляющим крепость со стороны озера, и Королевской башней.

Философия подвига

Ну вот и всё, собственно.

Можно было бы расширить число протагонистов этой книги. Но я не сделал этого по следующим причинам, а это условия для подвига:

— Чтобы совершающий подвиг знал, что идёт на смерть.

— Чтобы испытывал высокомерие. И чтоб была насильственная Смерть.

— Чтобы у протагониста была мания величия. Сознание того, что «я совершаю уникальный подвиг» (во имя народа, класса, нации).

— Чтобы чувствовали себя Спасителями (человечества, класса, народа, нации).

— Должен обладать силой воли необыкновенной, ибо пренебрегает Смертью во имя своей мании (убеждений).

Утра их казней. В сумерках виселицы. Как Софья Перовская искала глазами красавца Желябова и чуть-чуть улыбалась ему. В последний раз. С табличками на груди «Цареубийца».

Я намеренно выбрал для Вас моменты их ареста, потом их гибели. Чтобы вы всё-всё-всё знали.

Знали, на что они намеренно шли.

Чтобы у Вас возник страх и настолько испортилось настроение, чтобы хорошего настроения впоследствии никогда не было.

Чтобы Вас хватали жандармы и избивало враждебное население, как Гаврилу Принципа, да так, что потом пришлось ампутировать руку.

Чтоб Пугачёвым Вы корчились в сельской школе с глинобитным полом в Le Higuera и граф Панин выдирал Вам клок бороды…

От их верований, идеологий, заметьте, ничего не осталось. Даже от соображений, которыми руководствовалась эта древняя пара — Иисус и Иуда. Даже от них, ибо на место их реальных соображений человечество давно поставило свои собственные измышления.

Пронзающий себя жалким ножом-заточкой, спрятанным в лохмотьях в Кремлен-Бисетр Жак Ру, умирающий всё-таки после повторного нападения на себя, и перегрызающий себе вену Каракозов — ну это же опасные сумасшедшие — воскликнет читатель!

Ну так они все и были опасными сумасшедшими. Но чтим мы их, человечество чтит их, следовательно, они — лучшие. Не в том

смысле, что добрые, они, конечно же, бешеные крысы. Некоторые из них полуморальны по-своему. Янек Каляев воздерживается от покушения на великого князя Сергея, увидев в карете троих детей. А такие, как Жак Ру или Нечаев — совсем аморальны, те призывают убивать и женщин, и детей.

Среди них нет Бориса Викторовича Савинкова, прыгнувшего в окно во внутренний двор Лубянской тюрьмы. Ему стало стыдно, что он не с ними, не с покойниками. Не со своими, и он исправился, прыгнул. И никакой там загадки нет — прыгнул, исправил свою слабость.

Пока я писал, меня мучили страшные боли в ротовой полости. Писал я эту книгу недолго, и в последние дни кроме книги пришли ко мне несколько проникновенных афоризмов.

Такой вот: «Человек становится серьёзным, только когда смерть наступает ему на пятки. До этого он как птичка божия, даже самые-самые из нас».

Второй: «Самым великим произведением современного искусства является не пресловутый «Чёрный квадрат» Малевича, но забальзамированное тело Ленина в Мавзолее».

К числу поступков, делающих мне честь, отношу факт, что я явился на пасеку Пирогова в горах Алтая 6 апреля, чтобы быть арестованным вместе с товарищами.